

КЕЙСИ УЭСТ

Автор бестселлера «P.S. ТЫ МНЕ ПРАВИШЬСЯ»

Любовь, жизнь и далее по списку

Один месяц.
Десять вещей, которые
она делает впервые.

Повезет в любви

Кейси Уэст

Любовь, жизнь и далее по списку

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Уэст К.

Любовь, жизнь и далее по списку / К. Уэст — «Издательство АСТ», 2018 — (Повезет в любви)

ISBN 978-5-17-122973-3

Что делать, если чувствуешь, что влюбляешься в лучшего друга? Лето семнадцатилетней Эбби Тернер проходит совсем не так, как бы ей хотелось. Ее чувство к Куперу не является тайной, но точно не взаимно. К тому же мама девушки все хуже справляется со своей тревожностью, и работы Эбби не приняли на художественную выставку, куда она так мечтала попасть. Оказывается, в ее картинах «нет души». Поэтому, когда Эбби представляется шанс проявить себя, она подходит к задаче со всей серьезностью. Так появляется список. Эбби дает себе месяц, чтобы выполнить десять заданий и выйти из зоны комфорта. Например, узнать историю незнакомца (№ 3) или влюбиться (№ 8). Эбби точно знает: если она справится, то станет тем художником, которым она всегда хотела быть. Но чем ближе последний день эксперимента, тем очевиднее правда: завершить список будет труднее, чем она ожидала. Похоже, чтобы вдохнуть жизнь в свое творчество, Эбби придется измениться по-настоящему.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-122973-3

© Уэст К., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Один	6
Два	11
Три	15
Четыре	19
Пять	22
Шесть	27
Семь	32
Восемь	37
Девять	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Кейси Уэст

Любовь, жизнь и далее по списку

Kasie West

LOVE, LIFE AND THE LIST

© 2018 by Kasie West

© Е. Баранова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Посвящается моей Эбби, которая много работает, звонко смеется и мечтает по-крупному. Быть с тобой – настоящее удовольствие, и я люблю тебя!

Один

– Жара или холод?

– Жара. Ненавижу мерзнуть, и ты это знаешь.

Меня бросило в дрожь от одной мысли, несмотря на то, что лето было в самом разгаре. К слову, наверное, именно жара и натолкнула Купера на вопрос. Немыслимая жара, если быть точной: я чувствовала, как по ногам стекают бусинки пота. Мы стояли на пляже в очереди в кинотеатр вот уже двадцать минут, поэтому я с нетерпением ждала заката и спасительного бриза.

Он помотал головой.

– Нет, не знаю, но я спрашиваю, от чего ты предпочла бы умереть: от жары или от холода?

– Какой нездоровый интерес, – я поджала губы, – но ты прав: теперь вопрос звучит совершенно иначе. Я слышала, что смерть от обморожения – блаженная смерть.

– От кого ты это услышала? К тебе наведываются трупы замерзших насмерть людей?

– Разумеется. Каждый день. Встречный вопрос: какое проклятье ты бы предпочел – видеть призраков или бороться с зомби?

– Проклятье? *По-твоему, это проклятье?* – Он встряхнул меня за плечо. – Я, например, так не считаю. Это же потрясающе. Выбираю оба.

– Это не по правилам. Ты должен выбрать только одно.

– Тогда призраки. Надеюсь узнать от них свое будущее.

– Призраки не знают будущего, – отозвалась я, когда мы продвинулись еще на один сантиметр ближе к стенду с билетами и я вытрясла песок, который засыпался в мои шлепки.

– Кто тебе это сказал?

– Все это говорят, Купер. Если они что-то и знают, то только прошлое.

– Ладно, может быть, Эбби, твоим призракам не повезло, но мои видят будущее. Будет невероятно, вот увидишь.

Девушка, стоящая в очереди перед нами, обернулась и улыбнулась Куперу. Наверное, она подумала, что он совершенно очаровательный. И она была совершенно права. Девушка показалась мне нашей ровесницей. Ее волосы были собраны в изящный небрежный пучок, и я задумалась, как людям удастся это «изящно», а не просто «небрежно».

– Привет, – сказал Купер. – Как ты?

– Теперь лучше, – со смешком ответила девушка и снова отвернулась.

Я покачала головой.

– Не обращай на меня внимания. Знаешь, я просто девушка рядом с парнем, с которым ты заигрываешь.

Уверена, в моем тоне читалась шутка, но Купер все равно поторопился прикрыть мне рот ладонью и уточнить:

– Лучшая подруга этого парня. Всего лишь друзья. Этот парень совершенно свободен.

Я освободилась от его ладони и засмеялась, хотя часть о «всего лишь друзья» и не была моим выбором. Напротив, год назад я открыто призналась Куперу Уэллсу в любви, но безответность чувств так безошибочно читалась в его реакции, что мне пришлось перевести признание в шутку. Шутку, которой он подыграл с энтузиазмом. А мне пришлось смириться, потому что я хотела сохранить дружбу. И лучшего в мире друга.

За спиной послышался голос:

– И отсюда вопрос на злобу дня: ты бы предпочла провести время с друзьями *или* потратить целую ночь, собираясь в путешествие, в которое родители тянут тебя на все лето?

Я развернулась, расплываясь в улыбке.

– Откуда у тебя это «на злобу дня», Рейчел? Ты, что, мой восьмидесятилетний дедушка? – спросила я.

Рейчел стояла, упираясь руками в бедра, и смотрела на нас сияющими глазами.

– У него и позаимствовала. И ему всего лишь шестьдесят восемь.

Я толкнула ее бедром и обняла.

– Как ты поняла, что мы играем во «Что бы ты предпочел»?

– Разве мы не всегда так делаем?

– Я думала, ты сегодня не выберешься, – сказала я.

Мы четверо крепко дружили между собой: Купер, Рейчел, Джастин и я. На прошлой неделе Джастин со своей церковью уехал по гуманитарной программе в Южную Африку и пробудет там до осени. Уже завтра Рейчел уезжает с родителями в тур по Европе. Получается, остаток лета я проведу с Купером.

– Я тоже. Итак, вернемся к моему вопросу на злобу дня, – напомнила Рейчел. – Сборы в путешествие или лучшие друзья?

– Сложный выбор, Рейч, – сказал Купер. – Думаю, сборы.

– Ха-ха. – Она взяла его под руку.

Наконец-то мы были в начале очереди. Купер подошел к накрытому столу, который летом каждый вечер пятницы превращался в кассу. Парень за кассовым аппаратом спросил:

– Это тебя зовут Купер?

– Да-а-а-а, – последовал настороженный ответ.

– Та девушка за тебя заплатила. – Парень кивнул в сторону Изящной Небрежности, которая теперь направлялась ко входу. Наверное, она слышала, как я называла Купера по имени.

– А что насчет нас? – крикнула я ей, схватив Рейчел за руку.

Девушка обернулась с улыбкой на лице и помахала.

– Ну ты и пройдоха, – сказала я Куперу. – Где же люди, которые будут счастливы оплатить мои пятничные развлечения?

Я полезла в сумку, чтобы где-то между полотенцем и кофтой найти кошелек. Потом протянула деньги кассиру и забрала билет. Рейчел проделала то же самое.

– Тебе нужно поработать над своими чарами, – посоветовал Купер.

– Да здесь нет никого очаровательнее меня. – Я забросила пляжную сумку на плечо, и она закачалась, словно маятник. – Я всеми порами источаю очарование.

– Отвратительно, – сказал он. – Тогда я понял, в чем проблема.

– Мальчики, налетайте на источающееся очарование! – крикнула я людям за нами.

– Двигай своим очарованием, – послышалось сзади.

Рейчел смущенно потянула меня за собой. Купер устремился налево, к ларькам с едой, которые стояли прямо за оградой.

– Сегодня нас ждет дорогая еда? – спросила я.

– Кажется, у меня есть немного лишних денег. Сегодня я могу позволить себе попкорн за десять долларов.

– Ненавижу тебя. Предупреждаю, я съем весь твой попкорн, – сказала я в ответ.

Он рассмеялся.

– Ты действительно источаешь очарование, Эбби Тернер. Настоящие потоки очарования.

Я расщедрилась на поцелуй и продолжила:

– Мы займем тебе место. Добудь еды.

– Уже иду.

Уже собираясь уходить с Рейчел, в очереди за едой я заметила девушку, которая купила Куперу билет. И я уже почти отправила Рейчел саму занимать места и уже почти направилась к Куперу, но вовремя вспомнила, что в таком случае мне придется наблюдать за их флиртом. А мне хватило того, что я уже увидела.

– Ты никогда не угадаешь, что придумали мои родители, – начала Рейчел, когда я вытащила пару полотенец, чтобы постелить их на песке рядом с ограждением.

– Что тебе не нужно ехать с ними, а можно провести лето со мной? – предположила я.

– Если бы.

– Ты же знаешь, что звучишь как капризная девочка, когда жалуешься, что проведешь девять недель в Европе?

– С родителями. Моими родителями. Это совсем не похоже на путешествие с друзьями, рюкзаками за плечами и ночевками в хостелах. Мы поедем посмотреть на могилы наших предков и просто на места, где, по их мнению, брат моего прапрадедушки однажды помочился.

– Подожди-ка, твои предки жили в Европе?

– Некоторые из них. Ты же не думаешь, что в Европе нет темнокожих? Да ладно, Эбби.

– Да нет, не думаю... Ты права, я сглупила. В любом случае, что решили твои родители?

– Это будет отдых от техники.

– Что ты имеешь в виду? – Я присела на полотенце и сняла шлепки. – Без гугл-карт?

– Без телефонов.

Мои глаза едва не выпали от удивления.

– Они ведь не отберут у тебя телефон?

– Они называют это детоксом.

– Я называю это пытками.

– Согласна! – Она упала рядом со мной. – Не разрешаю тебе веселиться этим летом, раз я не смогу послушать об этом.

– Не о чем беспокоиться, за твое отсутствие ничего не изменится, – заверила я подругу. Ничего. Не. Изменится.

– Надеюсь.

Я погрузила пальцы ног в песок и теперь наблюдала за тем, как Купер идет к нам с попкорном в одной руке и бутылкой воды в другой. Его волосы сегодня были слегка волнистыми, и последние лучи закатного солнца отражались от них, создавая подобие ореола. Улыбка делала его голубые глаза еще ярче, и, когда наши взгляды встретились, я не смогла удержаться и широко улыбнулась в ответ.

– Как там фургончик для свиданий? – спросила я.

– Свиданий? И ты еще говоришь, что *Рейчел* звучит как восьмидесятилетняя?

– Ой-ой-ой, ну и ладно.

Он присел справа, на желто-белое полосатое полотенце, и передал мне бутылку с водой.

– Что это за гадость? Я жажду кофеин.

– Только вчера ты сказала мне, что покончила с газировками. Ты, между прочим, звучала очень решительно. А затем ты добавила: «Проследи за мной, Купер».

– Что? – послышался вопрос Рейчел откуда-то слева. – Ты же прошлым вечером выпила сорок четыре унции¹ «Маунтин Дью»² у меня в гостях.

– Ш-ш-ш. – Для большей убедительности я приложила палец к ее губам. – Не будем об этом.

Купер хихикнул, а Рейчел освободилась от моей руки.

– Кто я, по-твоему? Чудо-женщина? Господи. – Я открутила крышечку бутылки и сделала пару глотков.

– Ее зовут Айрис, – сказал Купер, сопроводив слова кивком в направлении вагончика с едой и девушки, которая купила ему билет.

– Только не это, – ужаснулась Рейчел.

¹ 44 унции примерно равны 1301 мл.

² Безалкогольный сильногазированный напиток торговой марки PepsiCo.

Я помычала с наигранным сочувствием:

– Поцелуй смерти – имя, которое нельзя сократить. Знала бы она, что, называя свое имя, подводит черту под вашими отношениями.

– Оно совершенно не сокращается. Ай. Мне что, называть ее Ай? – спросил Купер.

– Или ты мог бы переступить через свою лень и просто называть ее полным именем.

– Дело не в моей лени. Дело в планах на отношения. Я хочу, чтобы у меня была возможность называть свою девушку сокращенной формой имени.

– Не знаю, кажется ли тебе, что это сексуально, – вспыхнула я, – но это не так.

Он набрал горсть попкорна и пожал плечами.

– Но тем не менее.

Я подумала минуту и сказала:

– Как тебе Рис?

Я не была уверена, что хочу помочь ему с этой новой девушкой, хотя это и давало мне ощущение независимости от прошлых симпатий. Симпатий, о которых не знал никто, кроме меня... и моей мамы... и, возможно, Купера, хотя я не сомневалась, что убедительно представила свое признание шуткой тем летом.

– Рис звучит мило, – признала Рейчел, набирая у Купера горсть попкорна.

– Хм, – начал он, – а ведь это и правда подходит. Хорошо, что я взял ее номер.

– Это *мне* она должна была купить билет на фильм. Я только что ее выручила.

Я наблюдала за тем, как солнце задержалось на кромке океана, прежде чем полностью кануть за горизонт.

– А вы двое что скажете? Какие у вас планы на отношения?

– Моя ближайшая цель – итальянский парень с длинными кудрявыми волосами, сочным акцентом и исключительным талантом к поцелуям: я не буду понимать ни слова из того, что он говорит, но это уже не будет иметь значения.

Я рассмеялась.

– Это случится до или после того, как родители найдут отхожее место твоего прапрадяди?

– Уж точно до... а потом после. А у тебя, Эбби? – спросила Рейчел. – Какие у тебя планы на отношения?

Я перевернулась на живот и начала рисовать указательным пальцем на песке.

– Без сомнения, художник. Кто-то, кто умеет рисовать, или пишет красками, или что-нибудь подобное.

– Но что, если он будет превосходить в этом тебя? Зачем тебе человек с таким же набором навыков? – спросила Рейчел.

– В самом деле, – согласился Купер, – ты начнешь соревноваться.

– То, что ты превращаешь все в соревнование, не значит, что все так делают, Куп.

– Вот видишь! У меня идеальное имя. Оно великолепно сокращается.

– Не знаю, великолепно или нет, но звучит действительно мило, – признала я.

– На самом деле, это напомнило мне кое о чем, – начала Рейчел. – Один парень спрашивал меня на днях о твоей работе. Он вспомнил, что видел ее в классе искусств перед каникулами и не смог выбросить из головы.

– Кто тебя спрашивал?

– Я его не знаю. Он остановил меня в «Старбаксе». Думаю, он знает, что мы друзья.

– Круто! – сказал Купер.

Я закусила губу и улыбнулась. Хотелось закричать: *«Смотри, Купер, у меня тоже что-то происходит. Я не просто красотка, над которой можно посмеяться. Я художница»*.

– Вернемся к целям на отношения, – сказала Рейчел. – Парень-ценитель-твоего-искусства так же хорош, как и парень-художник? Потому что в случае положительного ответа, тебе непременно нужно сходить куда-нибудь с тем таинственным незнакомцем.

– Да! Так и следует сделать, – последовала реплика Купера.

– Ценитель искусства с небольшим отрывом занимает второе место. К счастью, ты узнала о нем так много, Рейчел.

– Да, небольшое затруднение.

На большом экране перед нами начал идти фильм, и колонки взорвались громкой музыкой.

– Мне нужно в уборную, скоро вернусь. – Рейчел наклонилась к моему уху, чтобы предупредить, и убежала.

Купер подполз ко мне на животе и улегся так близко, что наши плечи касались. Он взял палочку и начал рисовать узоры рядом с моими шедеврами.

– Только мы двое этим летом, малыш, – сказал Купер.

Мое сердце вздрогнуло от этих слов. «Мы его уже не любим», – напомнила я сердцу. Он один из наших лучших друзей, в конце концов. Одного лишь Купера Уэллса хватит, чтобы сделать это лето сносным.

– Ага, – я потянулась и дорисовала по паре колес под каждым его человечком, – ты собираешься гонять по дюнам на этой неделе? – Купер часто участвовал в гонках на квадроциклах, которые устраивала местная лига любителей, и, должна сказать, серьезных любителей этого вида транспорта.

– В среду. И я надеюсь увидеть тебя с плакатом в руках. И пусть на нем будет написано «Купер – номер один».

– Но что, если ты уступишь первое место другому? Получится неловко.

Он толкнул меня плечом.

– Конечно, я приду. Разве я когда-нибудь пропускаю твои гонки?

– Ну, обычно ты приходишь с Рейчел и Джастином, поэтому я и не был уверен.

– Раньше я всегда приходила без них.

Я познакомилась с Купером в восьмом классе, и с тех пор мы были друзьями. Рейчел и Джастин пришли в нашу компанию уже на первом курсе.

– Да, ты права. И, кажется, ты мой талисман на счастье, поэтому теперь ты обязана приходить ко мне до конца своих дней.

– И я буду. – До конца своих дней я буду фанаткой Купера. Мне стало грустно от этой мысли, но я взяла себя в руки и собрала посыпавшиеся крупички достоинства. А потом он мне улыбнулся.

Два

Летом я обычно высыпалась от души. Обычно, но не этим утром. Этим утром настырная полоска света прокралась в мою комнату через приоткрытые жалюзи и никак не оставляла меня в покое. Пришлось встать и зашторить окно полностью. Затем я снова нырнула под одеяло с головой, но даже особенная тщательность, с которой я накрыла уши, не спасла мой сон от телефонной трели. Я намеревалась игнорировать звук, но не смогла побороть любопытство и потянулась к ночному столику. На экране отобразилось сообщение от Рейчел.

Она: *«Это будет последнее сообщение за следующие девять недель».*

Она: *«Что ты будешь делать без меня?»* – следовало прямо за ним.

Я: *«Больше спать, полагаю».*

Она: *«Согласна. Я тоже. Что, если мне понравится жизнь без телефона? Нет, невозможно. Даже если я войду во вкус, родители никогда об этом не узнают. Я не могу доставить им такое удовольствие».*

Я улыбнулась и протерла глаза.

Я: *«Помни о своей подруге. И не вздумай полюбить какого-нибудь итальянца больше, чем меня».*

Она: *«Ты тоже!»*

Я: *«Уж поверь, мне в ближайшем будущем не грозят горячие итальянские парни».*

Она: *«Смешно. Я о том, что тоже буду скучать».*

Я: *«Знаю. Хорошей дороги. Позвони мне с таксофона, когда сможешь. Как думаешь, у них ведь еще водятся таксофоны?»*

Она: *«Не знаю. Будет видно».*

Какое-то время я не отрывала глаз от экрана, но нам обоим больше нечего было сказать. Пока я представляла бесконечно долгое лето без Рейчел и Джастина, мой палец взял ситуацию под свой контроль, разблокировал телефон и открыл сайт из закладок. Подача заявок на участие в зимней программе института искусств «Уишстар». Программа моей мечты. Если верить моему учителю искусств, приемной комиссии какого-нибудь престижного художественного университета будет достаточно упоминания этой программы в заявке, чтобы решить судьбу моего поступления. К тому же это «Уишстар». Мне жутко хотелось бы провести часть зимних каникул рядом с другими художниками, под руководством невероятных преподавателей. Целых две недели мы, вдохновленные лекторами и их историями успеха, изучали бы новые техники, работали с разными инструментами и материалами. Познакомиться с настоящими профессионалами в этой области я мечтала ничуть не меньше, чем улучшить свои собственные навыки, и это место идеально мне подходило.

Я перечитала страницу в миллионный раз за последние полгода. Еще раз перечитала требования к участникам программы – никаких изменений. Возраст, опыт, рекомендательное письмо, опыт участия в выставках/проданные работы. Я наконец-то подходила по возрасту: они принимали только совершеннолетних, а осенью мне наконец-то исполняется восемнадцать. Меня не останавливало и то, что большинство участников, по рассказам, были студентами или даже выпускниками. У меня был опыт в рисовании – целое портфолио с работами. Был человек, готовый написать мне рекомендательное письмо. Оставалось удовлетворить только один критерий, прежде чем я смогу подать заявку: выставки/проданные работы. До сих пор я участвовала только в школьных выставках. И уж точно никогда не продавала своих работ. Но у меня был готов план. Воодушевленная этой мыслью, я улыбнулась и вылезла из-под одеяла.

По пути в ванную я едва не споткнулась о маму. Дверцы шкафчиков были открыты, а она лежала на полу гостинной в окружении шампуней, спреев для волос и средств для чистки окон. В одной руке я заметила фонарик, которым она светила под раковину, а в другой – мухобойку.

– Ой. Что происходит? – спросила я.

– Ты слышала когда-нибудь о коричневом пауке-отшельнике?

– Пауке-отшельнике?

– Да. Я просто хочу убедиться, что под умывальником их нет.

– Ты нашла паутину? Или где-то валялся выпитый досуха трупик мыши? – Присаживаясь рядом, чтобы лучше рассмотреть освещенное место, я случайно опрокинула пузырек с кондиционером.

– Нет, но я прочитала историю о девочке-подростке, которую ужасно изуродовал своими укусами паук, как раз когда она полезла за раковиной за бутылкой «Хербал Эсенсес»³. Потом я вспомнила, что ты тоже хранишь там свой запас, и решила, что осторожность не повредит.

– Мам, – я подняла баночки с пола и начала по одной возвращать их на полку, – перестань читать в Сети жуткие истории и сразу же примерять их на нас. Хочу, чтобы жуткая история нападения на меня была уникальной.

Она села и бросила на меня строгий взгляд.

– Эбигейл, о таком не шутят. – Ее темные волосы ложились на лицо непослушными прядями, будто первым делом после сна она поспешила в мою ванную.

Я выключила ее фонарик и поднесла его к губам на манер микрофона.

– А теперь можно мне принять ванную? Мне правда нужно.

Она вздохнула, но встала с места.

– Все равно мне нужно проверить другие ванные комнаты.

Я закрыла за ней дверь и пошла в душ. Мои глаза остановились на шкафчике. Я открыла его, присмотрелась и снова закрыла, не забыв закатить глаза. В ванной не было пауков.

* * *

После быстрого душа я надела свои укороченные шорты и топ – мой обычный летний гардероб, – потом я собрала свои светлые волосы в высокий хвост и пошла в кухню. Овсянка хранилась на верхней полке кладовой, и мне пришлось встать на цыпочки, чтобы ухватить пару пакетов из коробки, затем я высыпала их в пластиковую миску и залила водой. К тому моменту, как овсянка приготовилась, а таймер начал звенеть, дедушка уже проснулся. Он сильно волочил ноги при ходьбе, поэтому за ним всегда следовал характерный шорох.

– Что это тут? – спросил он на входе в кухню. – Принцесса сегодня отказалась поспать перед балом?

– Очень смешно, дедуль.

– Твоя бабушка считала меня смешным. С тех пор ни одна другая женщина не смеялась от моих шуток. Такое несчастье.

– Ее смерть или то, что с тех пор никто не смеется от твоих шуток?

– Хм, а ты умная девчонка, да?

Моя бабушка умерла от рака, не дожив трех месяцев до моего рождения, поэтому для меня это случилось буквально в прошлой жизни. Я никогда ее не знала, поэтому не могла по ней скучать, но я знала, что скучал мой дедушка, несмотря на то, что шутил об этом. После бабушкиной смерти дедушка переехал жить к нам.

– Хочешь овсянки? – предложила я ему, протягивая миску с еще не тронутой кашей.

– Нет, хочу что-нибудь безмерно сладкое.

– Уверена, здесь предостаточно сахара. Здесь два пакетика овсянки с пряностями.

– Но она притворяется здоровой пищей, а это непростительно. – Он достал себе миску и коробку хлопьев из кладовки.

³ Бренд органических продуктов для ухода и окрашивания волос компании Clairol.

– Дедушка, как тебе удалось дожить до восьмидесяти с таким ужасным питанием?

– Мне не восемьдесят. Почему ты постоянно добавляешь мне лишние годы? Будто ты пытаешься от меня поскорее избавиться.

Я достала ложку из ящика, присела за стол, поджав под себя босые ноги, зачерпнула щедрую порцию горячей каши и отправила ее в рот, о чем тут же пожалела.

– Вот и твоя неминуемая кара, – сказал дедушка, когда я ртом втянула воздух в попытке остудить язык.

– Ты злой, – пробормотала я, пережевывая следующую ложку.

– В нашем доме ни одного паука! – торжественно объявила мама, присоединяясь к нам.

– Ты потратила все утро на убийство пауков? – спросил дедушка.

– Нет, на охоту, – уточнила я. – За пауками из интернета.

Она положила свое охотничье снаряжение на стол.

– Тебе пора прекратить верить историям из интернета, – вздохнул дедушка.

Мама пропустила его слова мимо ушей.

– Что мы едим? – последовал вопрос, а затем и взгляд в наши тарелки.

– Овсянку, – ответила я.

– Это ведь не овсянка, – обращаясь к дедушке, мама приподняла бровь.

– А я и не говорил, что это она. Твоя дочь ест овсянку. Я ем «Чоко-Криспис»⁴.

– Пап.

– Что?

– В них слишком много сахара для человека, предрасположенного к диабету.

– Что ж, дай знать, когда надумаешь сходить в магазин и забить наши шкафчики подходящими продуктами.

От маминой улыбки не осталось и следа. Она ненавидела выходить в магазин. Ненавидела выходить из своей зоны комфорта. Особенно когда отца не было рядом, как сейчас. Его войско направили на Ближний Восток до конца августа, то есть оставалось еще одиннадцать недель. Маме всегда было лучше, пока он дома. Раньше все было немного по-другому, она вливалась в дружное общество военных жен, куда бы мы ни переехали (а с первого по седьмой класс я успела поучиться уже в пяти городах); кажется, общение с ними помогало ей пережить смену обстановки. Однако четыре года назад мама захотела большей стабильности, и мы переехали на центральное побережье Калифорнии, купили дом подальше от места расквартирования военнослужащих, и она нарекла его нашим «настоящим домом». Я была в восторге. Впервые у меня появились друзья, с которыми не придется расставаться. Но маме было сложно. И с каждым днем становилось только сложнее.

– Точно. Магазин. – Мама скрылась за дверьми кладовой, а я окинула дедушку тяжелым взглядом.

– Ты злой, – прошептала я, прежде чем окликнуть маму. – Когда у папы будет время на видеозвонок?

Мы говорили с ним на прошлой неделе, и, наверное, вопрос был лишним. Я не хотела еще сильнее расстраивать маму, но по мере того, как ее зависимость от интернет-историй и домоседства росла, я все чаще вспоминала папу и мечтала, чтобы он проводил дома больше времени. Хотя постоянные отъезды и не были его решением, винить человека, пока его нет рядом, оказалось так просто!

– Через пару недель, наверное, – послышался ответ из-за коробки с пшеничной соломкой. Мама поставила ее на стол, достала чистую миску из шкафа, ополоснула ее кипятком и спросила: – Что у нас на повестке дня?

⁴ Сухие завтраки из воздушного риса со вкусом какао, производимые компанией Kellogg's.

– Почти ничего, – ответила я. – У меня по расписанию музей. Мистер Уоллес хочет, чтобы я убралась на складе. Ты бы видела это место! Тот еще кошмар. Выглядит, словно над беспорядком там постаралась целая компания творческих людей.

– Мистер Уоллес позволит тебе участвовать в июльской выставке?

Я закусила губу, чтобы сдержать улыбку. Я наконец-то упорядочила все свои работы, сделала их копии и сформировала портфолио, чтобы показать ему.

– Сегодня и узнаю.

Мама поцеловала меня в макушку.

– Разве он сможет отказать? Ты очень талантливая.

– Ты не забыла вложить в альбом мою любимую картину? – последовал дедушкин вопрос. – Цветочное поле?

– Конечно.

– Значит, ты настоящее золото, – похвалил дедушка.

Мой телефон завибрировал и немножко сдвинулся с места, где я его оставила. Пришло сообщение от Купера.

Он: *«Я оставлял у тебя свои бело-зеленые пляжные шорты?»*

Я пошла в свою комнату, чтобы убедиться, и, конечно, бело-зеленые шорты, как и одна из его футболок, висели на спинке стула в углу комнаты. Должно быть, он оставил их там на прошлой неделе, когда мы пошли на пляж. Я взяла футболку в руки и неосознанно поднесла к носу. Это был пляжный запах Купера: вишневый «ЧапСтик»⁵ и солнцезащитное средство.

Я: *«Да, они у меня, но я сейчас убегаю в музей, поэтому придется тебе зайти за ними позже».*

Он: *«Ты поговоришь с мистером Уоллесом о выставке?»*

Я: *«Ага!»*

Он: *«Удачи!»*

Ежегодная выставка, которую мистер Уоллес устраивал, чтобы привлечь средства для музея, была для меня превосходной возможностью, не только чтобы показать свои работы, но и, если повезет, продать что-нибудь. Была только одна сложность: участники должны быть старше восемнадцати. Но на моей стороне было искусство, дар убеждения и симпатия мистера Уоллеса. Все должно было получиться.

⁵ Бренд бальзамов для губ производства Pfizer Consumer Healthcare.

Три

С хранилищем в художественном музее была только одна беда: мистер Уоллес занимался накопительством и даже не подозревал об этом. Он берег все: идентификационные комплекты, программы, все до единой декорации в память о прошедших выставках и показах. Комната трещала по швам. Прошло уже около года с тех пор, как любовь к искусству привела меня сюда, но заниматься уборкой помещения мне еще не доводилось. И, если мои глаза не врут, другие работники сказали бы то же самое. Хотя они, кажется, и не жаждали внести свой вклад. Всю нудную работу вешали на самого нового сотрудника. То есть на меня. Ассистенты водили экскурсии, Тина продавала билеты, а Ральф, охранник, никогда не променял бы свой значок на тряпку. В общем, состояние хранилища было естественным следствием многолетней заброшенности.

Свою миссию я начала с сортировки бумаг и, как только музей закрылся для посетителей, вытащила ящик с ними в коридор.

По моему замыслу вещи раскладывались в три стопки: «точно выброшу», «еще подумаю» и «оставлю».

Спустя какое-то время мистер Уоллес заглянул справиться о делах, и во мне проснулось опасение, что стопка «точно выброшу» заметно поредеет.

– Что это здесь?

Мистер Уоллес был очень далек от моего представления о типичном хранителе музея. Не скажу, что часто представляла хранителей музеев, но у меня они всегда были одеты со вкусом. Мистера Уоллеса же, в его дешевом великоватом костюме и с зачесанными назад седыми волосами, можно было спутать с каким-нибудь торговцем подержанных машин. Но искусство одеваться было единственным, которое ему не удалось постичь. К тому же, сам по себе он был славным.

– Просто стопки. Навожу здесь порядок, – сказала я, глядя на него снизу вверх.

– Почему три?

Я сняла пару бумаг из стопки на выброс.

– Обратите внимание на дату. Вы же не станете снова использовать постеры пятилетней давности? Поэтому они отправляются в «стопку, от которой мы точно избавимся». Здесь «стопка, у которой есть шанс», – я кивнула на стопку по центру, – а вот эта – «оставить».

Он ткнул ногой первую горку.

– Я храню не бумажки, а идеи – только они того и стоят.

Я достала телефон.

– Тогда мы можем фотографировать декорации. – Я достала телефон и сделала первый снимок. – И они останутся у вас в телефоне или на компьютере.

– Отличная идея, Эбби, – кивнул он, – я знал, что не зря принял тебя на работу.

– Забавно. Советую поостеречься, я почти готова записать вас в участники того шоу про барахольщиков⁶, а вы вряд ли готовы к такому потрясению.

– Ты ведь не поступишь так со мной.

Я улыбнулась, и он ушел. По графику этим вечером работали только мистер Уоллес, Ральф, Тина и я, но Тина убежала сразу после закрытия музея, и теперь я безраздельно властвовала над просторным коридором.

Разрешение мистера Уоллеса фотографировать накопленное и выбрасывать его пошло на пользу моей стопке «мусора» – с каждой минутой она становилась все больше.

⁶ Имеется в виду реалити-шоу «Барахольщики» (Hoarders), транслируемое в Америке с 2009 по 2013 год на телеканале A&E.

В промежутке между снимками я переписывалась с Купером:

Он: «Где ты?»

Я: «Разве я не говорила? В музее».

Он: «До сих пор?!»

Я: «Я только приступила. А ты где?»

Он: «Встречаю малышку-сестру после урока музыки».

Я: «Вообще-то я знаю имя Амелии. И в четырнадцать она уже не такая малышка».

Он: «Знаю. Наша девочка растет. Ты уже поговорила с ним?»

Я: «Он будет податливее, когда приберусь еще немного».

Он: «Думаешь с такими прекрасными работами тебе еще нужно подкупать кого-либо, чтобы попасть на выставку? По-моему, твое искусство говорит само за себя».

Я: «Взятка еще никогда не была лишней».

Он: «Просто попроси его!»

Попроси его. «Попроси его», – говорила я себе, пока раскладывала стопку ненужных бумаг по двум огромным мусорным пакетам. Пока выносила пакеты в мусорные контейнеры. И я собиралась пойти к нему, поэтому на обратном пути забрала из машины свое внушительное портфолио. В основном там были фотографии работ, потому что носить с собой большие полотна было непросто, но нашлась и пара оригиналов поменьше. Альбом открывала любимая картина дедушки, и при взгляде на нее я не смогла сдержать радость.

Мистер Уоллес сидел в кабинете, склонившись над ежедневником. Кабинет, к слову, мог потягаться с хранилищем в количестве бумажных кип на столе, непригодных мольбертов у стены и мусора в углу, явно готового к побегу из урны. Хранитель музея поднял глаза на меня. Я все еще стояла в проходе.

– Идешь домой?

– Да, но сначала хотела обсудить с вами июльскую выставку. Ту, что в конце месяца.

Его взгляд остановился на большой папке в моих руках.

– Я принесла некоторые образцы работ, – сказала я, опустив папку перед ним.

– Эбби, ты же помнишь о возрастном ограничении? Кроме того, у меня и так предостаточно заявок. – Он открыл ящик стола и достал пачку бумаг. Хотел звучать убедительнее, наверное.

– Я тоже хотела бы предложить свою кандидатуру.

– Только совершеннолетние участники. – Он опустил палец на случайную сточку в документе.

Значит, пришло время моей тщательно отрепетированной речи.

– Сэр, по-моему, искусство не знает возрастных ограничений. Микеланджело было шестнадцать, когда он создал «Мадонну у лестницы». Пикассо приняли в именитую школу в возрасте четырнадцати лет. А Сальвадор Дали впервые представил работы на публичной выставке в свои пятнадцать. И я не пытаюсь поставить себя в ряд с такими дарованиями, просто хочу сказать, что способности – не возраст, а значит, не должны быть критерием отбора.

– Вижу, ты работаешь над домашним заданием.

Я придвинула портфолио поближе к нему.

– Я всего лишь прошу дать мне шанс.

Он тяжело вздохнул, но потянулся за альбомом. Я тоже вздохнула, но с облегчением, и присела напротив. Самое сложное позади. Мое искусство говорит само за себя. Он начал неторопливо листать страницы. Многие работы в портфолио я увеличила до формата десять на двадцать дюймов⁷, и мистер Уоллес не отказывал себе в удовольствии рассмотреть все детали.

⁷ 25,4 × 50,8 см.

Прошла примерно вечность, прежде чем он перевернул последнюю страницу и снова обратился ко мне.

Я расцвела улыбкой победителя.

– Эбби, твои работы подойдут идеально, но не раньше, чем ты будешь соответствовать возрастным требованиям. Уже следующим летом, верно?

– Подождите... Что?

– Следующим летом тебе уже будет восемнадцать, так? – Он похлопал по закрытой папке. – Тогда и буду ждать от тебя новых работ.

Улыбаться мне больше не хотелось.

– Так. Но в чем дело? Я видела работы, которые вы принимаете на выставки любительского искусства. Мои ничем им не уступают. Вас правда останавливает только мой возраст?

– Нет, не только.

– Тогда что?

– Наши залы не безразмерные. За весь год это моя единственная возможность привлечь инвестиции, и я не могу позволить себе терять на продажах. Иначе это место долго не протянет. И я не могу проводить такие выставки, когда мне вздумается. Мы ведь музей, а не галерея.

Сиденье было жестким, и я пересела ближе к краю.

– Но если я продам одну из одобренных вами работ? Вы же останетесь в выигрыше?

– Ты не продашь. – В ответ он подтолкнул портфолио так, что оно скользнуло по столу и прямо ко мне.

– Почему нет?

– Потому что сейчас ты не готова. Твои работы недостаточно хороши.

Отказ был подобен удару в живот. Пока я старалась снова научиться дышать, он продолжил:

– У меня есть все основания полагать, что через год они дотянут до нужного уровня. Но не сейчас.

– Что вы имеете в виду? Чего им не хватает?

– Опыта... Души, – сказал мистер Уоллес, не отрывая взгляда от альбома.

– Души?

– Технически они отличные, но напоминают копии. Я хочу *чувствовать* что-нибудь, глядя на эти работы. Тебе не хватает мастерства, и это как раз понятно. Ты молодая, у тебя нет богатого жизненного опыта, который можно было бы отразить в творчестве. Но это дело наживное. Сейчас как художник ты там, где и должна быть, и движешься ты в верном направлении. Не останавливайся и добьешься того, чего хочешь.

Я механически кивнула. Слышать эти слова было тяжело, особенно после того, как годами мои учителя рисования, родители, бабушка – все – говорили о моем выдающемся таланте. Я встала и взяла портфолио под мышку.

– Мне жаль, – сказал он мне в спину.

Я направилась к черному выходу – не хотелось встретить Ральфа и объяснять, что это у меня в руках и зачем мне такая огромная папка.

Сейчас во внутреннем двореке музея проходила выставка, посвященная переработке мусора: умельцы превращали отходы в искусство. Я обогнула дерево с ветками из фасонного железа и листвой из зеленого стекла, два старых велосипеда, сплавленных между собой и балансирующих теперь на одном колесе, бросая вызов гравитации. Потом мое внимание привлек ржавый капот «Фольксвагена Битл». На округлой его части виднелось кривенькое сердечко. Я даже замедлилась, чтобы рассмотреть его.

Это все были экспонаты передвижной выставки, которые остановились в нашей гавани искусства на две недели. Уже скоро мы уложим все в деревянные ящики, заполненные опилками, и переправим их вверх по побережью, где они найдут пристанище в Пизмо-Бич, или

Санта-Крус, или в каком-нибудь другом сообществе вроде нашего. Я провела еще какое-то время, изучая работы. Я ценила разное искусство, правда. Но сейчас этот ржавый капот с унылым выцарапанным сердцем выглядел нелепо. Мистер Уоллес допустил к выставке *эти произведения*, но отверг мои? Неужели они действительно настолько лучше моих картин? Может быть, я все-таки не имела ни малейшего представления о настоящем искусстве. И, может быть, мне нечего было предложить этому миру.

Четыре

– Кому-нибудь попадалась на глаза моя клиновидная кисточка? – крикнула я с лестничного пролета.

Вообще-то мне крупно повезло. Родители всегда поощряли мое творчество и оборудовали одну из пустых спален под художественную студию. У меня было лучшее в доме освещение, разные рамки и полотна, а комод буквально ломился от красок и кистей.

Мама вошла ко мне с пропажей в руке.

– Нашла в баночке под раковиной.

– Спасибо.

На вопросы о выставке я отвечала, что *мистер Уоллес рассмотрит мою кандидатуру*. И опускала конец предложения – *в следующем году*. Я притворялась, что его и не было, и собиралась продолжать свою игру в своеобразные «прятки». Я могла прожить и без этой выставки. Существуют и другие, на которых я могу показать свои работы. Прямо сейчас ничего не приходит на ум, но они точно есть.

– Что ты рисуешь? Потрясающе... – Она присмотрелась к плакату на мольберте. – Или не очень потрясающе.

– По-моему, плакат получается очень даже клевым.

– Зачем каждый раз рисовать Куперу новый плакат? Забыла о том, что такое вторичное использование?

– В том-то и прелесть, мам. Я повторно использую старый плакат, всего лишь наслаиваю рисунки.

– Хорошо, плакат и правда клевый, – признала она. – Но краска. Ты расходуешь так много краски.

На уже готовый оранжевый фон я наносила мазки всевозможных оттенков голубого – они отвечали за динамику, и поверх этого хоровода красок легли воодушевляющие слова.

Мама и не заметила, как я забрала у нее кисточку.

– Понимаешь, мама, художнику нужна свобода творчества.

Она прошла к окну и открыла его:

– Я думала, мы обсудили проветривание. Не забывай впускать свежий воздух, когда рисуешь здесь. Испарения вредят твоим легким.

– Не чувствую никаких испарений.

– Ты просто принялась.

– Мамуль, веками художники писали, не имея хороших систем вентиляции.

– И, наверное, все они умерли от рака легких.

Иногда спорить с ней было бесполезно.

– Договорились, открою окно. Но тогда я рискую получить переохлаждение.

Она похлопала меня по спине и глянула на часы:

– Я думала, что гонки начинаются в два.

– Так и есть. Подожди, который час?

– Без пятнадцати.

– Что? Черт. – Я довела черным последние слова и сняла плакат с мольберта. – У тебя же нет серьезных планов на вечер? Можно взять машину?

Мама предпочла пропустить сарказм мимо ушей и вместо этого слегка подтолкнула меня к выходу.

– Напиши мне, как только доберешься. И когда будешь возвращаться.

– Может, сойдемся на том, что я напишу в случае какого-то непредвиденного обстоятельства?

Она смерила меня взглядом.

– Ладно, я отправлю сообщение.

– Спасибо.

– Приберусь, как только вернусь, – бросила я через плечо, вылетая из комнаты.

– Солнцезащитный крем! – прокричала мама мне вслед.

Я притормозила, зарулила на кухню, сделала пит-стоп у ящика, схватила одну из двадцати баночек солнцезащитного крема и вышла из дома.

Надеясь, что по дороге полотно успеет высохнуть, я бережно разложила его по дну кузова и залезла в машину.

Поверх обычных топа и шорт на мне была рабочая рубашка – с длинными рукавами, на пуговицах и укрытая разноцветными созвездиями засохшей краски. Я вытерла руки о полы этой страдалицы и завела машину, скрестив пальцы, что Купер выступает не первым.

* * *

Примчалась я прямо к началу гонки, поэтому у меня не было времени искать родителей или сестру Купера, хотя они точно были где-то там. Я подняла плакат повыше и болела за друга от старта и до самого финиша. Хотя, признаться, уследить за его умопомрачительными маневрами на дюнах было задачей не из простых. И, конечно, я всегда беспокоилась о нем во время гонок. На заверения Купера, что «он был рожден на дюнах» и «нет поводов для тревоги», я всегда отвечала «отвратительно, и нет, не был». Но я знала, что имеется в виду – он действительно сидел за рулем с самого детства, и сейчас пожинал плоды – как правило, он выигрывал каждую гонку, и эта не стала исключением.

После того как Купер пересек финишную линию первым, он встал и триумфально поднял кулак вверх. Я продиралась через толпу зрителей, по большей части туристов, к трейлеру, на который он погружал квадроцикл после гонок. К моему приходу Купер уже стоял там с семьей. Под мышкой у него был ярко-зеленый шлем, а на лице широко растянулась улыбка.

– Эбби! Мы здесь!

Я кивнула и направилась к ним.

– Привет!

– Добрый день, Эбби, – поздоровалась его мама, в то время как папа просто кивнул. Его сестра Амелия приветствовала меня объятием. До Куперов я не видела семьи, где все были бы так похожи друг на друга: высокие, стройные и светловолосые.

– Всем привет. Отличная гонка, Куп.

Амелия окинула взглядом мой рисунок. За ней на него засмотрелся и Купер. Он прочитал вслух: «Купер – номер один».

– Ага, я первый!

Тогда я попросила его посмотреть ниже. В кавычках меньшим шрифтом его ждало: «Или номер два».

Он слегка толкнул меня плечом:

– Но это неправда.

– Люблю приходить подготовленной.

– Так же сильно, как любишь приходить с ног до головы в цветных разводах?

Я осмотрелась и убедилась, что оставила свою рабочую рубашку в машине, прежде чем спросить:

– У меня краска на лице?

– В точку. – От того, как он провел пальцем сначала по моему виску, а потом и по левой щеке, меня будто пронзило током, и пришлось постараться, чтобы вернуть над собой контроль.

– Приехала впритык? – спросил он.

– Но ведь успела, – ответила я, вытирая лицо. – И не пропустила ни минуты. И плакат, вот, со мной.

Отец Купера похлопал его по спине:

– Хорошая работа, сын.

Раньше родители Купера не одобряли его увлечение, но, когда поняли, что гонки – его страсть, начали чаще выбираться на подобные мероприятия.

– Спасибо, пап.

– Загружаем твои колеса в трейлер?

– Да, спасибо. – Он кивнул мне и похлопал по сидению. – Давай, Эбби, поехали!

– Нет уж, я не попадусь в эту ловушку смерти.

Его сестра рассмеялась:

– А я каталась с Купером.

– Похоже, ты доверяешь брату больше, чем я.

Театрально прикрыв рот ладонью, он прошептал (разумеется, ничуть не тихо):

– Эбби у нас жу-у-уткая трусиха.

– Так уж и быть, за бургер с беконом в честь твоей победы я сделаю вид, что ничего не слышала, – сказала я.

– Я сегодня еду праздновать с родителями, но ты можешь присоединиться. Правда, мам? – спросил Купер.

В ответ его мама улыбнулась, хотя искренность улыбки и вызывала у меня сомнения:

– Да, конечно.

Не скажу, что его родители меня ненавидели. Напротив, их отношение ко мне, как и отношение самого Купера, было исключительно дружелюбным. То есть я знала, что они не обрадовались бы, будь я девушкой Купера. Они мечтали о лучшей спутнице для своего ребенка. Не о девушке с самодельными плакатами, чудаковатой мамой и отцом, который месяцами не появляется дома. Купер ни разу не подтверждал моих предположений, но все и так было очевидно: по их реакции на мои истории из жизни, рассказы о творчестве или семье.

– Хорошо, – согласилась я, не уверенная в правильности своего решения, но уверенная в том, что хочу отпраздновать победу с ним.

– Встретимся в «Чизкейк Фэктори» в пять, – уточнила его мама. – Так у всех нас будет предостаточно времени заехать домой и освежиться.

Она имела в виду, что у *меня* будет предостаточно времени. Но я не могла ее осуждать. Появляться в ресторане с краской на лице – не лучшая идея.

– Да, договорились... До встречи. – Я развернулась и зашагала вперед, но Купер догнал меня.

– Что такое? – коротко спросил он.

– Что?

– На тебе лица нет. Что случилось?

– Ничего. Скоро увидимся.

– Прекрасно. Зачем что-то мне рассказывать? – Он надулся и поспешил к семье.

– Перестань вести себя как ребенок, – отправилось ему вдогонку.

– Но это мое любимое амплуа.

Я знала, что в конце концов придется пересказать ему недавний разговор с мистером Уоллесом, но оттягивала этот момент на «потом». Возможно, после ужина выпадет подходящая возможность.

Пять

Или не выпадет. Возможно, Купер так никогда и не узнает о мистере Уоллесе. Отрицание уже успело стать моей второй сущностью.

На встречу я надела свой самый нарядный сарафан, выгоревшие волосы заплела в свободную косичку, а макияж ограничила одним слоем туши на ресницах. Хотя и для этого сейчас было слишком жарко.

За столом мама Купера чмокнула меня в щеку, а его сестра пригласила сесть рядом. Между ней и Купом.

– Обожаю, когда ты красиво одеваешься ради моих родителей, – прошептал он, стоило мне опуститься на соседнее сиденье.

– Замолчи, – пробормотала я в ответ.

Он пришел в шортах и потускневшей от солнца голубой футболке – она оттеняла идеальный бронзовый загар и придавала особую насыщенность голубизне глаз. Светлые волосы Купера, еще слегка влажные после душа, завивались на концах. Да, он, как всегда, выглядел очаровательно. Я побранила себя за то, что вообще обратила внимание, открыла меню и принялась изучать его.

Отчаянные попытки отвлечься и в самом деле сработали, так что я не заметила, как кто-то остановился рядом и окликнул меня:

– Эбби, привет.

Я подняла глаза и увидела Эллиота Гарсиа – знакомого из школы.

– Привет. Не думала, что встречу тебя здесь.

– Это моя подработка на лето, – ответил он.

– Круто.

– Привет, – поздоровался Купер. – Почему мы не знакомы?

Я толкнула его плечом.

– Тебе что, нужно знать всех людей в этом мире?

– Ты понимаешь, о чем я, – ответил он. И я понимала. Все наши знакомые были общими. Мы всегда были вместе: Купер, Эбби, Джастин и Рейчел. Или Рейчел, Купер, Джастин и Эбби; если люди знали одного, они знали и остальных. Но иногда мы ходили на разные предметы и встречали людей, которых не знали остальные.

– Я слышал о тебе, – сказал Эллиот. – Ты Купер Уэллс. Просто мы еще не встречались.

– Теперь встретились, – прозвучало в ответ.

Пока эти двое общались, я непроизвольно начала их сравнивать. Оба милые, но совершенно по-разному. Голубые глаза и светлые волосы Купера против карих глаз и темных кудряшек Эллиота. Первый высокий и мускулистый, второй – худощавый и немногим выше меня. Сейчас, когда они стояли рядом, разница сильно бросалась в глаза.

– Думаю, мы готовы заказывать, – сказал мистер Уэллс, возвращая мои мысли к делам насущным.

Эллиот выпрямился.

– О, конечно, ваш официант будет через минуту. Я просто принимаю гостей. Сейчас принесу вам воды.

Когда он уже направлялся в кухню, Купер предложил:

– Вам с Эбби следует сходить куда-нибудь вместе.

Я охнула от удивления.

Эллиот обернулся:

– Прости?

– Ничего. Не обращай на него внимания, – посоветовала я. Иногда Купер бахвалился своим даром сводничества. Хвастаться ему было откровенно нечем.

Как только Эллиот отошел подальше, я пронзила Купера самым возмущенным взглядом, на который была способна.

– Извини, – обратился он ко мне, – но тот парень запал на тебя. Разве ты не видишь? Я всего лишь пытался его выручить.

– Почему ты не дашь мне самой поупражняться во флирте?

– А это было в планах? Почему-то я очень сомневаюсь.

Я не собиралась флиртовать. Ни Эллиот, ни любой другой парень меня сейчас не интересовали. Мое сердце все еще оправлялось после нелестного отзыва о моем творчестве, и время для свиданий было не самое подходящее.

Поэтому на сверхсаркастичный вопрос Купера я ответила вопросом:

– Есть новости от Джастина?

Он достал телефон и показал мне фотографию наполовину готовой кирпичной стены:

– Он тебе не показывал?

– Нет. Почему он мне не пишет?

Я прочитала подпись под изображением: «Строим школу для местных детишек». Представить Джастина в той среде, гуляющего с малышкой и болтающего по-испански – уже не только в кругу семьи, было несложно.

Теперь и я достала телефон, чтобы открыть переписку с Джастином.

Я: «Забыл держать меня в курсе событий, паршивец?»

– Ах, так вот ключ к его покорности, – съязвил Купер, заглянув в экран через мое плечо.

– Мне не нужна покорность. Раскаяния будет достаточно.

Купер хихикнул в ответ.

Эллиот принес нам воды и привел официанта, который принял наши заказы.

Когда тот удался, мистер Уэллс обратился ко мне:

– Как твои успехи в рисовании? – спросил он. Мы сидели прямо друг напротив друга.

– Все хорошо.

– А ты нарисуешь что-нибудь для меня? – спросила Амелия.

– Конечно, – согласилась я ровно в тот момент, когда миссис Уэллс одернула дочь:

– Нет, Амелия, ты ведешь себя невежливо.

– Почему? – спросила девочка.

– Потому что у Эбби нет времени на такие глупости.

– Да, Амелия, мама права, – подтвердил Купер, протягивая руку за моей спиной, чтобы коснуться ее плеча. – Эбби хочет написать пять новых работ для июльской выставки искусства.

– Нет, не хочу, – перебиваю его я.

– Хочешь, ты же сама мне говорила. Ты сказала, что старые работы не подошли.

– Именно, – сказала я. – Можно, мы обсудим это позже?

– Но я категорически против! Они великолепные. – А затем добавил: – Так или иначе тебе хватит упроста, чтобы нарисовать что-нибудь еще.

– Я не собираюсь больше ничего рисовать.

– Так старые рисунки все-таки примут? Какие именно?

– Нет.

Вот теперь я видела его смятение.

– Ты не можешь одновременно и рисовать, и не рисовать, – наконец подытожил он.

– Не будет никакой выставки.

– Ее отменили?

– У меня. У меня не будет никакой выставки.

– Я думал, директор еще раздумывает. И в результате скажет «да».

– Он сказал «нет».

– Оу. – Его улыбка тут же куда-то испарилась.

– Да. Ну и ладно, не важно. Не последняя выставка в моей жизни. – Я чувствовала, как щеки налились краской, и мне хотелось сбежать от разговора, поэтому я потянулась за стаканом и сделала большой глоток.

Его родители переглянулись и снова остановили взгляды на мне. Их так и подмывало задать какой-нибудь наводящий вопрос или сказать что-нибудь типа «но это ведь важно» или «но твои работы должны быть на выставке». Мистер Уэллс, судя по всему, уже подготовил реплику, потому что он даже откашлялся. А я знала, что разревусь еще до окончания его монолога; что бы там дальше ни прозвучало.

И тогда Купер меня спас:

– Ты права, ничего страшного. – Он сжал мое колено под столом, а потом опустил руку. – И кто здесь скажет, что мое выступление на дюнах было не потрясающим?

Амелия сразу поняла, что мне нужен отдых, и подыграла брату:

– Ты словно взлетел на последнем прыжке!

Взрослым понадобилось немного больше времени, чтобы сообразить, что к чему. Какое-то время миссис Купер неотрывно смотрела в мои глаза, а затем обратилась к сыну:

– Верно, и мы здесь собрались, чтобы отпраздновать твой невероятный успех. Так давайте праздновать.

К тому моменту, как официант вернулся с заказом, мы уже погрузились в обсуждение побед Уэллса-младшего. И меня переполняла благодарность за то, что Купер так точно понимал, что мне нужно.

* * *

– Эбби зовет меня в гости, – сказал родителям Купер, когда они оплатили счет, и мы все встали из-за стола.

– Да? – Как вовремя я об этом узнала. Честно говоря, сейчас мне хотелось как можно скорее добраться домой и свернуться под одеялом. Последние несколько дней я справлялась с мыслями о мистере Уоллесе и выставке, отодвигая их в дальний (или хотя бы в какой-нибудь) угол, но мое признание снова ослабило эту защиту. Я опять возвращалась к его словам и, вопреки своей злости и внутреннему протесту, верила им.

– Да.

– Ты помнишь, к которому часу должен вернуться домой, – сказал его отец, беря своих дам под руки и направляясь к выходу из ресторана.

– Купер, я устала. Давай поговорим об этом завтра? – попросила я на полпути к двери.

– Не-а. Нам нужно поговорить сейчас. Я вижу, что тебя это беспокоит. Давай же, пойдем. – Он повел меня на улицу.

– Конечно, меня это беспокоит, но я в порядке. Переживу. Лучше возьмем по кусочку чизкейка. – Я остановилась у освещенной витрины и начала глазами поглощать превосходные десерты.

Купер остановился сбоку.

– Кажется, у них нет малины с белым шоколадом.

– Значит, я попробую что-нибудь новое.

– Ты никогда не пробуешь что-нибудь новое. Стоит тебе найти «то самое» – и тебя не оторвать.

– Как же ты прав, Купер, как же ты прав.

Он окинул меня косым взглядом, словно подозревал, что речь шла не о чизкейке. И в этом он тоже был прав.

Он махнул головой, сопроводив это движение легким смешком, схватил меня за руку и потащил за собой из помещения. Мне всегда казалось, что его рука – теплая и слегка грубоватая – идеально помещается в моей.

Машина ждала меня на парковке перед рестораном, но Купер прошел мимо нее прямо к пирсу. Должно быть, он понял, что я больше не буду сопротивляться и – к моему глубокому разочарованию – отпустил руку.

Когда полтора квартала были позади, он сказал:

– У меня для тебя кое-что есть.

– Правда? Что? – Сердце, совершенно мне не подвластное, начало биться сильнее.

Он достал белую салфетку из кармана и протянул ее мне. Пришлось проглотить свою досаду.

– У меня уже есть твой номер, – напомнила я.

– Как смешно. Это номер Эллиота. Не благодари.

– Ты по-прежнему воображаешь себя купидоном?

– Я превосходный купидон.

– Эллиот дал мне свой номер еще полгода назад. Но все равно спасибо. – Я знала, что еще тогда была ему интересна, и все равно сама свела общение к нулю после пары эсэмэс. Я засунула салфетку обратно Куперу в карман и пошла вперед. Ступая на пирс, я замедлила шаг, чтобы не споткнуться о покореженные доски.

Купер догнал меня.

– Ты когда-нибудь звонила ему?

– Мы переписывались какое-то время. Я не хочу отношений, Купер.

– Ты когда-нибудь рассказывала мне о нем?

– Наверняка да.

Он хмыкнул.

В конце пристани я облокотилась о деревянные перила и опустила глаза вниз. На первый взгляд океан всегда казался черным как ночь, но, стоило присмотреться, и промежуток между горизонтом и береговой линией начинал переливаться таким количеством оттенков, что мои руки так и чесались взяться за кисть.

– Поговори со мной, Эбигейл. Ненавижу, когда ты держишь все в себе. Что произошло? Ты сказала, что мистер Уоллес рассматривал тебя как вариант. Что он сказал *на самом деле*?

– Что у меня нет души.

– Он сказал, что ты андроид?

Я сложила руки на перекладине и со стоном опустила на них лоб. Запах соли, рыбы и водорослей проникал во все поры.

Купер погладил меня по спине.

– Он сказал, что ты бездушная? Что он имел в виду?

– Он сказал, что в моих работах нет глубины. Что они плоские. Что он ничего не чувствует, глядя на них.

– Ах, так это *он* андроид. Теперь понял.

Я еще сильнее вжалась в перила.

– Нет, серьезно, он не знает, о чем говорит.

«Разве? – хотела я сказать. – Ты мог бы сказать то же самое. Когда ты смотришь на меня, тебе тоже не хватает этого фрагмента. Фрагмента, который пробуждал бы в тебе какие-либо чувства».

Я слегка повернула голову, чтобы увидеть Купера.

– Пока мой папа на войне, мама дома страдает агорафобией. – Еще нельзя было забывать о неразделенной любви на фоне всего этого. – И это я ничего не смыслю в глубоких чувствах?

– Смыслишь. – Купер захихикал, а мое сердце громко отозвалось на этот звук.

Я снова застонала и вернула голову в прежнее положение. Прежде чем он снова нарушил молчание, несколько волн успели обрушиться на сваи.

– Твоя мама не страдает агорафобией.

– Я знаю. Но кажется, будто она стремится к этому. Ей все хуже.

– Хуже в каком смысле?

– Раньше она гуляла. Теперь я даже не могу припомнить, когда она в последний раз вообще выходила из дома. Ей нужны друзья. Когда-то это помогало справляться с переездами.

– Наверное, мама может пригласить ее на обед. Я попрошу ее.

Мне даже не пришлось говорить что-либо, хватило и взгляда, чтобы Купер понял, насколько смешно звучит его предложение.

– Ты права, – сказал он. – Не лучший вариант.

– Все нормально. В августе вернется папа, и ей полегчает.

– Твой папа возвращается в августе?

Меня очень грела эта мысль. И август был не за горами.

– Да, уже не терпится. Хотя он пропустит шоу. Точнее, пропустил бы. Теперь уже не важно.

– Может быть, ты неправильно поняла мистера Уоллеса.

– Ну, нет. Он выразился предельно четко. Даже слишком. Вообще-то, все это были его слова. Ни эмоций, ни глубины, ни души. Все они.

– Это жестоко.

Это и *в самом деле* было жестоко. Я определяла себя через искусство. Оно было единственным, что давалось мне хорошо. Единственным, за что, как мне казалось, меня любили люди. И теперь меня лишили даже этого. В ресторане мне удалось сдержать слезы, но сейчас я вот-вот была готова заплакать.

– Это всего лишь мнение одного человека, Эбби.

– Он доктор гуманитарных наук. Он хранитель музея. И он единственный человек поблизости, который мог бы помочь мне с выставкой. А мне нужен был этот опыт. – От волнения дышать становилось все труднее. Комок в горле с каждой секундой становился все больше, но я старалась прогнать это чувство.

– А как же другие музеи? Или галереи?

– Я все еще в поиске. Но это очень маловероятно. Сотни людей подают заявки на участие в таких выставках. Я думала, что смогла наладить отношения с мистером Уоллесом. Но, раз даже ему не нравится мое искусство, ты правда полагаешь, что какой-нибудь незнакомец даст мне возможность попытать удачи?

– Не принимай это так близко к сердцу.

– Уже приняла. – И в этот момент по щекам неожиданно покатились слезы. Я со злостью смахнула их.

Купер обнял меня.

– Не плачь. Ненавижу, когда ты плачешь. Из-за этого мне хочется устроить взбучку всем этим людям.

– Я справлюсь.

– Знаю, что справишься. И ты еще докажешь, что он был неправ. – Рука Купера двигалась вдоль моей спины, и я прижималась к нему все сильнее.

От этих слов мне стало легче, но они не вселили в меня уверенность, что я найду способ доказать мистеру Уоллесу его неправоту. Чего я точно не умела, так это влиять на чувства других людей.

Шесть

Я задержала взгляд на чистом полотне. Опыт. Глубина. Я думала о словах Купера. Нужно доказать, что мистер Уоллес неправ. Тогда для меня откроются двери выставки, и я смогу записаться на зимнюю программу; тогда и мистер Уоллес, и Купер, и все вокруг увидят во мне настоящую художницу. Я нарисую что-нибудь новое. Что-нибудь выдающееся. Окончательные решения по участникам принимаются за две недели до самого мероприятия, а значит, я успею убедить мистера Уоллеса, что способна на большее.

У меня был план – превзойти себя в новых работах – и четыре недели в запасе. В зависимости от размеров, проработанности деталей и часов непрерывной работы на картину уходило от одного до четырех дней. И, раз уж было лето, чего-чего, а времени у меня было вдоволь. Но в моей груди поселился тугой комок чистой паники. Я совершенно не представляла, что хочу нарисовать. Я совершенно не представляла, что нового или тем более выдающегося могу создать.

Я листала свой альбом с вдохновляющими фотографиями и вырезками. Обычно он служил мне хорошим источником идей, но сегодня был не тот случай. «Кроме того, – напомнила я себе, – сейчас моя задача – создать что-то неповторимое».

Я вернула альбом в комод и бросила кисть в банку. Потом развернулась к выходу и вскрикнула, обнаружив, что мама все это время наблюдала за мной.

– Ты меня напугала, – сказала я.

– Ты ничего не нарисовала.

– Я знаю.

– Купер рассказал мне о мистере Уоллесе.

– Что? Предатель. И когда он только успел?

– Написал сообщение сегодня утром.

– Теперь ему не жить.

– Почему я не узнала это *от тебя* – вот, что интересно.

– Не знаю. Чем чаще я произношу это, тем сильнее верю его словам. Я даже не собиралась говорить Куперу. Он меня вынудил.

Она покачала головой.

– Этому парню нет надобности тебя к чему-либо принуждать.

– Знаю. Я особо не сопротивлялась. Когда дело касается его, я теряю всякую силу воли. Только никому не рассказывай.

Она улыбнулась. Мама знала о моих чувствах к Куперу. Это у нее на плече я рыдала прошлым летом после роковой прогулки по пляжу, после моего признания, от которого он предпочел отшутиться.

Я протиснулась мимо мамы и направилась в гостиную, где дедушка дремал в кресле. Я села на диван, надеясь, что мама не посмеет тревожить дедушкин сон своими разговорами. Как же плохо я ее знала.

Она присела рядом со мной.

– По-моему, ты рисуешь прекрасные картины.

Дедушка всхрапнул и открыл глаза.

– Я не спал, – сказал он.

– Все нормально, дедуль, люди твоего возраста такое не контролируют.

– Будь добра, накажи свою дочь за меня, – попросил он маму.

Мама хихикнула.

– У нас здесь речь о мистере Уоллесе.

– Не хватает глубины, да? – спросил дедушка.

- Ты и ему рассказала? – Я вскинула руки в воздух.
- А мне нельзя было знать? – возмутился дедушка. – Почему это мне нельзя знать?
- Потому что у меня нет души, – ответила я.

Мама погладила меня по плечу:

- У тебя есть душа, малышка. Мистер Уоллес имел в виду твоё искусство.
- Так ты с ним согласна?
- Я такого не говорила. Мы с папой любим то, что ты делаешь, и ты это знаешь.
- Подожди-ка, ты и папе рассказала? Ему и так сейчас не просто.
- Но он тоже хочет быть в курсе событий.

Я вздохнула:

- Вот уж точно, кто рано встает...

Мама обвела рукой все картины, развешенные по стенам гостиной. Они были щелочками во внешний мир, которые, хоть и не впускали свет, но стирали ощущение закрытого пространства. Я рисовала оживленные места вроде Таймс-Сквер и Лас-Вегас-Стрип и умиротворяющие пейзажи вроде французских пригородов или зеленых утесов Ирландии. Правда, знакомы они мне были только по фотографиям. С самого переезда я начала завешивать эту стену картинами и уповать, что они пробудят в маме жажду путешествий. Но в действительности пользы от них было мало. Возможно, именно из-за них мама никуда не выходила – зачем, если весь мир и так был перед ее глазами.

- Только посмотри, какая ты талантливая, – сказала она.

Изображения выглядели очень реалистично. Но разве не об этом говорил мистер Уоллес? В них не было ничего уникального. Ничего личного. Просто копии. И что я чувствовала, глядя на них? Говорят, настоящие художники своим искусством могут заставить зрителя чувствовать порывы ветра на лице и остроту воздуха на языке. Мои картинки напоминали фотографии из путеводителя: побывать внутри них хотелось, но воздух оставался безвкусным.

Вероятно, в словах мистера Уоллеса был смысл. Но, думаю, у меня еще был шанс все исправить.

- Мне нужен опыт.
- Ты рисуешь, сколько я тебя помню, – отметила мама.
- Нет, я о жизненном опыте. Что нужно пережить, чтобы найти глубину, найти свою душу? – Я должна найти озарение в жизни, а не в чужих рисунках. И не только озарение, эмоции тоже.

- По-моему, у тебя замечательная душа, – заверила мама.

Я томно прикрыла глаза.

- Ты моя мама, тебе приходится так говорить. Но я серьезно. Мне нужно что-нибудь с этим сделать. Видимо, даже много чего-нибудь. Но чего?

- Что бы ты хотела в себе воспитать? – спросил дедушка.

Я задумалась и начала постукивать пальцами по подлокотнику. Мой взгляд скользнул в сторону дедушки. Не многих людей в этом мире я люблю так же сильно, как его. Но что в нем я люблю больше всего?

- Отвагу. Как у тебя, – решила я.

- У меня? – спросил дедушка.

- Да, ты говоришь что думаешь, невзирая на мнения окружающих. Ты умеешь отстаивать свои взгляды. Где ты этому научился?

– В лагере для новобранцев у меня был по-настоящему злобный сержант-инструктор по строевой подготовке.

- Так мне идти в армию? Шагать следом за тобой и папой?

Он кивнул.

- Однозначно. Как только исполнится восемнадцать. Армия сделала меня мужчиной.

– Ты хочешь, чтобы я пошла в армию и стала мужчиной?

Дедушка заворчал:

– Не делай вид, что воспринимаешь меня так буквально.

– Ты не идешь в армию, Эбби, – сказала мама. – Дедушка просто говорит, что набрался храбрости через противостояние другим людям даже при условии, когда это было непросто.

– Допустим. Я совершенно этого не умею.

– Ты справишься, – заверил меня дедушка.

– Что еще? – спросила мама. – Какие еще черты тебе нравятся?

– Мне нравится то, что ты такая всезнайка, мам.

Она рассмеялась.

– Была уверена, что ты это ненавидишь.

– Ну, я и правда не назвала бы себя фанаткой историй о коричневых пауках-отшельниках.

– Она говорит, что не фанатка твоего параноидального увлечения такими историями, – пояснил дедушка.

Я махнула на него рукой.

– Это не то, что я сказала.

Мама похлопала меня по ноге.

– Ладно, как бы там ни было, чтение полезно. И книги помогут тебе по-новому взглянуть на вещи. Что-то ты уже читала, так, может быть, выберешь такую книгу, которая не входит в твою зону комфорта? Классику, например.

– Подожди, подожди. – Я вскочила с места. – Сейчас сбегая за листочком. Это нужно записать. – В ящике со всякими мелочами я нашла ручку, достала бумагу из принтера, а на обратном пути захватила еще и журнал с кофейного столика. Устроившись на диване, я положила журнал на колени, а поверх него – бумагу. Я вывела заголовок – «Список для души» – и дважды подчеркнула его.

– Итак, противостоять кому-нибудь и прочитать какое-нибудь старье.

Мама закатила глаза, но не стала протестовать.

– Что еще ты ценишь в людях?

– Папа постоянно бывает в новых местах и пробует что-нибудь новое. Думаю, поэтому он так легко адаптируется и всегда готов к приключениям.

– Значит, попробовать что-нибудь новое? – спросил дедушка.

– И он сейчас не говорит о наркотиках, – добавила мама.

– Конечно, что же еще могло прийти мне в голову.

– Попробуй не одну вещь. Пусть будет пять. Попробуй пять новых вещей, – предложил дедушка.

– Пять? Я же не вчера на свет появилась. Пять лишком много. Где мне набрать пять вещей, которые я еще не пробовала?

Мама снова всем своим видом показала несогласие.

– Ты ведь шутишь? Найдутся сотни вещей, которые ты еще не пробовала.

– Хорошо-хорошо. Ты права. – Я добавила строчку в список. Там уже было три пункта. Слишком мало. Чтобы кардинально поменять свое мировосприятие, а через него и стиль, мне нужно было больше опыта. Я задумалась о друзьях и о том, что я в них ценю.

– Рейчел добра ко всем. Думаю, поэтому ее все любят в ответ. Не представляю, через что мне нужно пройти, чтобы хотя бы приблизиться к такому.

– Может быть, узнать историю незнакомца? – посоветовала мама.

– Что ты под этим подразумеваешь? Просто подойти к случайному человеку и узнать, как дела?

– Нет, настолько проникнуться чужим делом, что ты *захочешь* лучше узнать того, кто это делает. Позволить истории поменять тебя.

– Итак, узнать чью-нибудь историю. – Я дописала ниже. – Что еще? – Моей руке не терпелось впитать их мудрость. Мудрость, с которой я стану лучшим художником в мире и успею посоревноваться с другими авторами за участие в выставке.

– Это ты нам скажи, – попросил дедушка.

– Мой друг Джастин улетел в Южную Африку со служебной миссией. Готова поспорить, он вернется таким глубоким человеком, что я и близко не стояла.

Дедушка хмыкнул.

– Не обязательно лететь в Южную Африку, чтобы принести пользу своей службой. Здесь она тоже пригодится.

– Например?

– Ты найдешь себе что-нибудь подходящее, я совершенно уверена, – согласилась мама.

Я добавила «*принести пользу*» в список и дописала имя Джастина напротив. Остальные пункты я тоже пометила именами идейных вдохновителей. У меня уже были дедушка, мама, папа, Рейчел, Джастин...

– Купер, – произнесла я.

– Что «Купер»?

– У меня еще нет ничего от Купера.

– Чем он тебя привлекает больше всего? – спросила мама.

Я закрыла глаза на какое-то время. Что в нем меня *не привлекало*? Все наши шутки и разговоры кружились у меня в голове. Я сдержалась, чтобы не сказать: «Всем».

– Он бесстрашный. Нет ничего, что могло бы его напугать. Возможно, и мне не помешает побороть парочку страхов.

– Как? – резонно спросил дедушка.

– Я встречусь с ними лицом к лицу.

– Мне не нравится этот план, – сказала мама.

– Ничего опасного.

– Да, неплохо, – одобрил дедушка, и моя ручка снова скользнула по бумаге.

– Не хочешь побороть еще и какую-нибудь дурную привычку заодно? – вдогонку спросил дедушка. – Это точно поможет сформировать характер.

– Я не пью и не курю, дедуль.

– Скажешь, этим мир дурных привычек ограничивается? Как насчет этого твоего ужасного сарказма? Хорошо бы пресечь его на корню.

– Кто вообще говорит «пресечь на корню»? И я избавлюсь от сарказма, но только после тебя.

Он надул губы.

– Или ты можешь выбрать что-нибудь другое.

– Так и думала. – В моем списке появилось «*бросить вредную привычку*».

– Если хочешь сформировать характер, тебе нужно дописать «*влюбиться*», – сказала мама.

Когда я внесла и этот пункт, дедушка поинтересовался:

– Разве она уже не влюблялась?

Я едва не поперхнулась.

– Ты и это рассказала?

Мама взглянула на дедушку, прищурилась. Теперь пришла моя очередь закатывать глаза.

– Тогда, думаю, это можно вычеркнуть сразу.

– Влюбиться в того, кто любит тебя в ответ, – уточнила мама.

– Ауч. Ты просто злюка.

Она ласково потрепала меня по ноге.

– После этого ты уже не будешь прежней.

- Ладно, значит, я запишу *«разбитое сердце»*, это уже выполнено.
 - Ты подбираешь выполненные задания? – спросила мама.
 - Нет. – Но я все равно добавила этот пункт и поставила аккуратную галочку напротив него, а рядом дорисовала смайлик.
 - Мама не смогла сдержать легкий смешок.
 - Может быть, *«увидеть, как жизнь приходит в этот мир»*?
 - Хм... Теперь ты меня пугаешь. Предлагаешь мне походить по больницам? И, кстати, фу.
 - Это можно интерпретировать по-разному, и я точно не советую тебе ходить по пятам за какой-нибудь беременной женщиной.
 - Хорошо, пусть будет. Хотя я пока могу представить только самую очевидную интерпретацию.
 - Тогда как насчет *«увидеть, как жизнь покидает этот мир»*?
 - Вот и закончили за упокой. Почему люди всегда сводят разговоры к смерти?
 - Смерть меняет человека, внучка.
 - Я не хочу этого видеть. Даже если на кону глубина моего искусства.
 - И я тебя понимаю.
- К тому же мне казалось, будто этот пункт я тоже могу отметить галочкой. Конечно, я не застала смерть бабушки, но чувства других часто отзывались во мне болью. Этот пункт стал заключительным, но я не стала отмечать его как выполненный. Возможно, найдется другая трактовка. Надеюсь, я ее найду. В противном случае, возможно, меня нельзя назвать художником. А если я не художник, то кто?

Семь

На следующий день я снова перечитала список. Хотелось верить, что такое полотно из достоинств превратит меня в некоторое подобие монстра Франкенштейна. Не жуткого, но тоже скроенного из лоскутков, чтобы я стала воплощением лучших качеств моих близких. Впереди меня ждали одиннадцать заданий. Точнее, фактически, десять, если опустить вычеркнутое. Как достичь глубины за десять шагов... или меньше? Я надеялась на «меньше».

Теперь я понимала, почему на зимнюю программу художественного института нельзя попасть без истории продаж. Организаторы знают, как сложно выставить свои работы в галерее, и это требование существенно сокращает круг претендентов.

Я выудила кнопку из контейнера на столе и подыскала свободное место на стене. Список удачно приютился между цитатой о любви и фотографией почти лысенького одуванчика – на нем осталось одно-единственное семечко, все остальные ветром уносило вдаль. На моей стене можно было найти что угодно: рисунки, цитаты, стихотворения, пейзажи. Мои музы, нашептывающие сюжеты для рисунков. Они попадались мне в журналах или в интернете – какие-то отправлялись в скрапбук, другие находили свой приют на стенах. Я попыталась охватить глазами все, что там было, и от внезапного осознания выронила смешок. Все, что окружило меня, оказалось на стене неслучайно. Все это наполняло меня эмоциями. Как иронично, что *мои работы* не могли пробудить чувства в других.

Я сделала снимок списка и по привычке уже собиралась отправить его в групповой чат с Рейчел, Джастином и Купером, но остановилась, когда вспомнила, что Рейчел его не увидит, а Джастина-филантропу сейчас просто не до моих погружений в глубину. Вместо этого я переслала фотографию самой себе, а потом села перед компьютером, чтобы набрать письмо папе.

Привет, папуль!

В приложении ты найдешь список дел, которые из меня сегодняшней сделают меня великодушной. К твоему приезду все уже будет выполнено, поэтому не удивляйся, если увидишь перед собой незнакомку. Хотя я просто восстанавливаю справедливость, потому что обычно это к тебе приходится привыкать снова и снова. Теперь будем квиты. И еще, я придумала, какой сувенир хочу получить. Привези мне камушек в форме сердца. В поисках его тебе придется хорошенько порыскать по пустыне, но только так я поверю, что ты обо мне не забываешь. А еще он будет символизировать то, что мое сердце выросло на три размера. Так ведь было у Гринча? Постоянно забываю. Помнишь, раньше мы всегда смотрели его на Рождество и ты говорил, что едва не назвал меня Синди Лу Ху? Я до сих пор бесконечно благодарна, что ты этого все-таки не сделал (хотя теперь я и знаю, что эта история – выдумка). С любовью, твоя дочь, довольная своим именем.

Я дотянулась до пузырька с песком, который папа привез мне из последней поездки. Он всегда привозил мне что-нибудь. Иногда я заказывала что-нибудь сама, иногда получала то, что напомнило ему обо мне: бусины с рисунком или художественное стекло.

Наклоняя пузырек в разные стороны, я наблюдала за движением песка по стенкам.

Внезапно раздался стук в дверь, а за ним и голос Купера:

– Ну что, художница Эбби, готова показаться миру?

Я поставила бутылочку на место, нажала «Отправить» в окне с сообщением и закрыла ноутбук.

– Художница или Эбби?

– Не вижу разницы.

– Ну, если ты спрашиваешь о художнице, то нет, она не готова, а вот Эбби – вполне, значит, все-таки есть разница.

Его театральный вздох был слышен даже из-за двери.

– Ладно, Эбби, ты одета?

– Да.

Он открыл дверь и почти с прохода бросился на постель, потом перевернулся с живота на бок и поздоровался:

– Привет.

Он заметил мой список на стене и прищурился.

– Что это?

– Мое руководство: «Десять шагов на пути к глубине».

– Всего десять шагов? Наверное, мне тоже стоит попробовать.

– Определенно стоит. У нас как раз есть лето для этого.

Он сполз с кровати и подошел ко мне, все еще держа список в поле зрения. От Купера приятно пахло. Ванилью и апельсинами. Его обычный запах. Иногда к этим ароматам примешивались нотки пота или смягчителя для белья, а иногда – зубной пасты и геля для умывания или вишневого «ЧапСтика» и солнцезащитного крема. Или шоколада. Или... *стон*, сказала я себе. Ни к чему хорошему это не приведет.

– Предупреждаю сразу, я не лучшая компания, если ты собираешься на чьи-нибудь роды, – предупредил он.

Точно, список. Я постаралась снова сосредоточиться на нем.

– Я сказала то же самое. Но мама уверена, что этот пункт можно понять по-другому.

– Мне все кажется предельно однозначным.

– Понимаю. Ну, не важно. Не обязательно выполнять все задания. Если мое предчувствие не врет, глубина появится после пяти.

Он посмеялся.

– Отлично, потому что я бы предпочел никого не убивать.

Я улыбнулась в ответ.

– Не думаю, что дедушка предлагал мне пойти на убийство.

– Твой номер шесть беру на себя.

– Да? – я глянула на список, чтобы вспомнить, что же там такое в номере шесть. *Столкнуться со своим страхом*. Конечно, это. Я должна была догадаться.

– Почему там мое имя? – поинтересовался он.

– Потому что на некоторые пункты меня надоумили определенные люди. – Я ткнула пальцем в злополучную шестую строчку. – И благодаря тебе, мой бесстрашный друг, появился этот пункт. Но выбор страха я тебе не доверю, с этим я справлюсь сама.

– Да ты чего. Выберешь ведь самое простое.

– А ты придумает что-нибудь невозможное.

– Нет ничего невозможного.

Я уставилась на него в ожидании.

– Что? – спросил он.

– Ты собираешься закончить мысль? Нет ничего невозможного...

– И точка. Разве там чего-то не хватает?

– После этих слов всегда следует что-нибудь еще. Нет ничего невозможного, если ты усердно работаешь, или стоишь на своем, или никогда не сдаешься, или веришь в Бога.

– Хм. Ну, ладно... Все возможно, когда ты рядом со мной.

Мои глаза закатились.

– Мои варианты были лучше.

– Допустим, но прямо сейчас подходит мой, потому что именно я буду рядом, когда ты встретишься со своим страхом.

– И во что я ввязалась?

Он злобно захохотал, когда мы выходили из комнаты.

* * *

Он протянул мне шлем.

– Нет. Нет, нет и нет. Я же говорила тебе, что просто посмотрю. Это *не мое*. – За его спиной виднелись другие квадроциклы, дрейфующие по песку на своих баггах. Из-за палящего солнца воздух рябел вдаль, и это вовсе не шло на пользу моему самочувствию – меня и так подташнивало от мысли, что скоро я окажусь там, рядом с ними.

– А страх и не должен быть чем-то «твоим». Если тебе комфортно со страхом, это уже не страх.

– Мне не страшно. Я просто считаю, что это бессмысленно. И опасно.

– Да ты в ужасе. Я же вижу по глазам. Не притворяйся, что не боишься. А если это и правда не страх, засчитаешь поездку как новый опыт.

Я фыркнула и забрала у него шлем.

– Ладно. Мне страшно. – Я не раз становилась свидетелем аварий на гонках, когда приходила болеть за Купера, и мне очень не хотелось оказаться на их месте.

Он широко улыбнулся и зашагал к трейлеру, где квадроцикл в полной готовности ждал нас.

Один из его товарищей только закончил тренировку и предупредил нас, проходя мимо:

– Будьте осторожны. Ночь выдалась ветреная.

– Спасибо, – Купер поблагодарил его, а когда мы отошли достаточно далеко, добавил: – хотя и не за что.

– Сейчас нельзя ехать, – сказала я, догоняя его. – Я знаю, что такое ветер на дюнах. Я уже успела запомнить. Вся поверхность сейчас в стофутowych⁸ рытвинах, и, стоит нам оказаться на краю, мы полетим вниз.

– Не слушай его. Все с нами будет хорошо. Я же родился на дюнах, забыла? – бросил он, слегка обернувшись ко мне.

– Теперь ты умрешь на них, и я смогу вычеркнуть последний пункт списка.

Купер остановился так резко, что я чуть не врезалась ему спину, и повернулся ко мне. Он опустил шлем на землю, между ступнями, потом выпрямился и положил руки мне на плечи, все это время поддерживая зрительный контакт.

– Я знаю, что это в твоих силах. Я знаю, что с нами ничего не случится. Но, если не хочешь, ты всегда можешь отказаться.

Вот и все. Мое сопротивление было сломлено. Понимал ли он, что эта близость, и эти глаза, и этот голос творили со мной? Даже если нет, я хорошо знала свою слабость, и теперь тонкий голосок в моей голове говорил: «Посмотри на него, он хочет, чтобы ты пошла с ним. Может быть, после этого он влюбится в тебя».

Могу сказать точно: осознавать слабость и противостоять ей не одно и то же. Эх. Я и не думала, что все еще так зависима от него.

Я кивнула.

– Попробую.

– Правда? – переспросил он, сияя улыбкой.

Я схватила его за футболку и сжала ее в кулаке.

⁸ Сто футов – примерно 30,48 м.

– Да. Но потом ты угостишь меня молочным коктейлем.

– Только если тебя не стошнит, – сказал он, освобождаясь от моего захвата. Потом он сделал шаг назад, подхватил шлем и, наконец, приблизился к своему квадроциклу.

– Подожди, что?

Он взял шлем у меня из рук и сам водрузил его мне на голову.

– Ау. – Из-за шлема мой голос звучал глухо, но зато между мной и разбитым черепом была хотя бы какая-то преграда.

Он приподнял козырек.

– Что?

– Ничего. Давай скорее покончим с этим. – Мой желудок уже сжался от напряжения, и я поняла опасения Купера. Возможно, я и не осилю молочный коктейль, потому что меня точно стошнит.

Он запрыгнул на квадроцикл и завел его. Потом повернулся и похлопал по сиденью сзади. Я опустила козырек и забралась на него. Он взял мои руки и обхватил ими свою талию.

– Держись крепко, договорились?

Я кивнула. Об этом можно было и не говорить. Купер надел свой шлем, и мы поехали.

Лучше бы я была у руля. Лучше бы он научил меня управлять квадроциклом. Но он не научил, и я сидела за спиной Купера, завсегдатая гонок на дюнах. *Прирожденного* гонщика на дюнах. И он не играл на понижение. У меня во рту появился кислый привкус. Ландшафт впереди был ужасающий. Обычно гладкая песчаная поверхность сейчас пестрела ямами. Некоторые были мелкими и безобидными, но те, которые представляли интерес для Купера, простирались футов на тридцать⁹ в ширину. Мы спускались по их склонам на самое дно. Выбираться из них нужно было мгновенно, поэтому Купер разгонялся так сильно, что я вцеплялась в него еще крепче. Возможно, такое положение радовало бы меня больше, если бы не страх.

– Ненавижу тебя. Ненавижу тебя. Ненавижу тебя, – повторяла я, пока он продолжал разгонять двигатель. Он не мог меня слышать, но мне становилось лучше оттого, что слова эхом гуляли по моему шлему.

В какой-то степени этот эксперимент мне даже нравился – я редко добровольно отправлялась на поиски адреналина, так редко, что и не помнила, когда меня в последний раз охватывал такой сильный страх. Но и такая ненависть к Куперу тоже была для меня несчастным явлением, и я робко начала надеяться, что она поможет мне справиться с моими чувствами.

Купер заехал на верхушку холма и приостановился. Две передние шины стояли на самом краю песчаного обрыва. Если бы он слегка поддал газа, мы бы рванули вниз по восьмидесятифутовому¹⁰ склону. Если бы не я, он бы с радостью попытал удачу, полный самодовольства и надежды, что не полетит кубарем.

Он повернулся ко мне, не вставая с сиденья.

– Тебе весело? – крикнул он.

Я покачала головой вместо того, чтобы сказать «нет», в страхе, что меня вырвет.

– Да ладно? Я был уверен, что тебе понравится.

Я снова покачала головой.

– Ладно, тогда, думаю, мы возвращаемся.

Он дождался моего кивка и стартовал с прежней скоростью. Когда мы остановились возле трейлера, я на ватных ногах слезла с квадроцикла и опустилась на землю.

Он снял шлем и присел сбоку от меня.

– Значит... ты действительно трусиха. Я шутил, когда назвал тебя так перед Амелией, но сейчас вижу, что не ошибся.

⁹ Примерно 9,14 м.

¹⁰ Примерно 24,38 м.

Я швырнула в него горстью песка, а потом стянула свой шлем с головы.

– Мне могло понравиться больше, если бы вела я.

– Желаете сесть за руль? – Он покачал ключами у меня перед лицом.

Я протестующее подняла руки.

– Нет.

– Итак, что думаешь? – Он кивнул на отрезок песка со следами квадроцикла. – У этого твоего списка есть потенциал?

Я вспоминала об испуге, который сковывал мою грудь, когтями раздирал мои внутренности. Никогда прежде он не атаковал меня так сильно. Зато сейчас его будто и не бывало. Я столкнулась с ним и победила. Меня охватила гордость.

– Да... кажется.

Я снова посмотрела на него. Дразнящая улыбка застыла на его губах. Купер тоже должен был испытать – тогда уж его ухмылка точно долго не протянет. Я рассказывала маме с дедушкой о бесстрашии Купера, потому что верила в него. Но я, похоже, ошибалась. Все чего-то бояться.

– Теперь твоя очередь. Чего ты боишься?

Он приподнял шлем и держал его на весу.

– Я ничего не боюсь, Эбби.

– Нет, я не шучу. Ты сказал, что будешь выполнять задания вместе со мной. С каким страхом ты собираешься бороться?

Он разок подбросил ключи, поймал их.

– Хм. Правда, ничего приходит на ум. Но я еще подумаю об этом.

Я протянула ему шлем.

– Я тоже.

Восемь

– У меня болят ноги, – пожаловалась я. – Почему у меня болят ноги? Мы и тридцати минут не провели на квадроцикле. – Мы шли по Мейн-стрит к машине Купера, и я потягивала молочный коктейль, который он купил мне в награду.

– Твои бедра сжимали сидение так, словно вся жизнь зависит только от этого. Еще бы они не болели.

– Моя жизнь *зависела* от этого. – Я трижды постучала кулаком по правому бедру. – Ауч. Очень больно.

– Тогда хватит себя бить. И ходить вот так вот.

– Как так?

– Как будто возвращаешься после долгой прогулки на лошади.

– Я о том и говорю. Не могу это контролировать. – Я снова ударила себя по ноге.

Он обогнал меня на шаг, показал себе на спину и присел.

– Запрыгивай.

– Вот и запрыгну. Может быть, через сотню ярдов¹¹ и *твои* ноги заболят. – Я заскочила ему на спину и опустила подбородок на широкое плечо. Моим ногам не стало легче, да и чувство, что я падаю, честно говоря, никуда не исчезло.

Магазины на Мейн-стрит в основном были рассчитаны на туристов – здесь можно было найти воздушных змеев, пляжные безделушки, приспособления для серфинга, – но Купер рассматривал каждую витрину очень внимательно.

На серебряном фонарном столбе я заметила вывеску и крикнула:

– Подожди! Стой!

– Что случилось?

– Смотри. – Я указала на надпись. – Прочитай.

Он подошел ближе и прочитал вслух:

– Любительский театр объявляет открытое прослушивание на роль в мюзикле «Музыкант». – Купер закинул меня повыше на спину и понес дальше. – Нет уж. Я пас.

Я потянула его за плечи, как потянула бы поводья настоящей лошади. Конечно, я ждала подчинения, но это был Купер, и Купер воспротивился. Тогда я вырвалась из его хватки, чтобы спрыгнуть.

– Купер. Пробы через три дня. – Я обратила его внимание на дату в объявлении. – Крайний срок для моего следующего опыта как раз в этот день. Сама судьба вступает в игру. Мы с тобой еще никогда не играли в театре. То, что нужно!

– Судьба?

– Точно. Судьба. Рок. По счастливой случайности мы прошли мимо этой листовки. По счастливой случайности именно сейчас мы работаем над списком. Так и работают счастливые случайности. – Я достала телефон и сфотографировала объявление.

Он запрокинул голову и издал протяжный стон.

– Как же я скучаю по Джастину. Он бы никогда не заставил меня заниматься такой ерундой.

– Точно! Джастин должен знать, что пропускает. – Я отправила ему фотографию со словами:

Я: «Купер умолял меня сходить с ним на пробы».

– Какая же ты хулиганка, – сказал Купер.

– Неужели боишься? – спросила я. – Вот он, твой страх?

¹¹ Примерно 100 м.

- Нет. Просто это глупо. Мы не пройдем. Мы оба ужасно поем.
- Эй! Говори за себя.
- Думаешь, нас примут?
- Нет. Мы пробуемся не для того, чтобы петь в мюзикле. Мы получаем новый опыт. Вот в чем идея, Куп. – Я взяла его под локоть. – Мы здорово развлечемся!
- Я бы не назвал это развлечением.
- Телефон зажужжал у меня в кармане – пришел ответ от Джастина.
- Он:** *«Эм... не хочу ничего об этом знать».*
- Вот видишь, он тоже считает эту затею нелепой.
- Десять утра, понедельник, буду ждать тебя у меня дома. Это не завтра и не послезавтра, это следующий день после этого.
- Я знаю, когда у нас понедельник.
- Просто подстраховалась. Сейчас же лето. Дни сливаются в один.
- Что у нас завтра? – спросил он.
- Пробы не завтра.
- Знаю. Но мы ведь встретимся?
- Завтра я на работе. После нее?
- Конечно. Первый рабочий день после того, как мистер Уоллес назвал тебя андроидом?
- Ага.
- Удачи!

* * *

После работы я рухнула в свое кресло. Странный день. Мистер Уоллес усадил меня на кассу. Еще никогда мне не поручали такую работу. Служить уборщицей или гидом по музею было не лучше, но я, по крайней мере, была окружена искусством и черпала из него вдохновение. А сегодня мой взгляд падал только на вестибюль и улицу. Ничего вдохновляющего. Мистер Уоллес слишком открыто меня избегал.

Я вошла в учетную запись на компьютере и открыла почтовый ящик. Когда мы с папой находились в разных временных поясах, он обычно присылал мне ответ, пока я спала. Наверняка и теперь письмо ждало меня на почте.

«Моей дочери, которая получила свое имя от мамы, потому что у папы не было права голоса.

Твоему сердцу не нужно становиться в три раза больше. В два, разве что, но точно не в три. Могу я внести свои поправки и убрать некоторые пункты, чтобы ты точно не перестаралась? Итак, столкнуться со своим страхом (звучит опасно, я не одобряю), влюбиться (я не разрешаю тебе влюбляться до тридцати лет), пережить разбитое сердце (это и вовсе кажется контрпродуктивным, учитывая, что ты пытаешься его вырастить), узнать историю незнакомца (не разговаривай с незнакомцами), увидеть, как жизнь покидает этот мир (того, что видел я, с лихвой хватит на всю семью). Так-то лучше. У тебя останется шесть заданий. Обращайся. Что касается твоего невозможного поручения, посмотрим, существуют ли камни в виде сердец. Спасибо, что держишь меня в курсе. Как дела у мамы?

С любовью, тот чувак, которого ты не узнаешь, когда он заявится домой».

Я не знала никого, кто мог бы сравниться с папой в искусстве письма. И раз уж большую часть времени папа был моим папой по переписке, переоценить этот навык было сложно. Я села сочинять ответ.

Самому сверхзаботливому папочке в мире!

Спасибо за твой вклад, но я все-таки не предлагала тебе проголосовать за понравившиеся испытания. Более того, один из тех пунктов, на которые ты наложил вето, уже выполнен. Вчера я встретила со своим страхом и впервые села на квадроцикл. Скажу сразу, это не тот опыт, который я в ближайшее время захочу повторить, но он определенно того стоил. И я готова поспорить, что сердцевидные камни существуют. Теперь это исключительно вопрос твоей преданности. Мама в порядке. Не так хорошо, как рядом с тобой, но повода для беспокойства нет. Береги себя.

Люблю тебя, (оставляю здесь место для имени, за которое ты проголосовал бы).

Я кликнула «Отправить», взглянула на список и достала ручку из ящика стола. Напротив «столкнуться со страхом» я нарисовала маленькую галочку и задумалась, можно ли засчитать поездку на квадроцикле еще и как новый опыт. Нет, один опыт – одна галочка, решила я. Никаких поблажек. Мне действительно необходимо, чтобы шалость удалась. Новый опыт подарит новые эмоции и образы, а это материал для новых работ. Никогда прежде я не руководствовалась эмоциями в рисовании и никогда не переступала через себя в поисках новизны – я не жаждала новых впечатлений, мест или навыков.

Мне захотелось пересмотреть и другие пункты списка. Пробы через пару дней; вопрос о том, что делать потом, оставался открытым.

Хотя было у меня одно плевое дело. И сейчас, кажется, самое время к нему приступить, потому что растянется это, по меньшей мере, на несколько дней.

Итак, классика.

– Мам! – оповестила я о своем присутствии, переступая порог кухни. – Я пойду в библиотеку.

Она оторвала взгляд от своей книги. Я подумала, что моей и без того слишком беспокойной маме лучше бы не читать книг с заголовком «Настоящее преступление».

– Посоветуешь что-нибудь классическое? – спросила я.

Дедушка крикнул из другой комнаты:

– Я прочитал бездну классики! Нужен мой совет?

– С тобой никто не разговаривает, старик. Смотри свой «Мэтлок»¹².

Из комнаты донеслось гневное бурчание.

– Я не смотрю «Мэтлок».

Мама окинула меня разочарованным взглядом, давая понять, что шутка зашла слишком далеко.

– Прости за «старика»! – прокричала я.

– А за «Мэтлок»?

– Не стыдись того, что смотришь сериал о престарелом адвокате, от которого всегда зависит успех дела. Хм, кажется, этот персонаж вполне мог быть списан с тебя. – До пенсии дедушка был практикующим адвокатом, и он ненавидел сравнения с экранными дилетантами.

Послышалось что-то невразумительное – наверное, он бормотал ругательства себе под нос.

¹² Американский юридический драматический сериал. Транслировался с 1986 по 1992 год на канале NBC.

– У меня слишком большой список прочитанного, сложно выделить что-нибудь. – Она указала на гостиную. – И там ты тоже только что сама сожгла все мосты. Кажется, придется справляться самой.

– Как насчет читательского? Нам нужен читательский билет. Думаю, тебе придется заполнить какой-нибудь бланк для своей несовершеннолетней дочери. Иначе они вряд ли доверят мне свои книги. – Мое намерение оторвать ее от той книги и выманить из дома было более чем прозрачным, но я не отступала.

Мама тут же насупила брови – так отчаянно она пыталась выйти из положения, но не из дома.

– Думаю, я там не нужна. У детей же есть свои карточки, верно? Нет, мне незачем идти.

– В библиотеке всегда мало людей, мамуль.

– Откуда тебе знать?

– К тому же она в пяти минутах от дома, – продолжала я.

– На машине.

– Да, на машине.

– Я бы лучше прогулялась.

– Знаю. Но прогулка получится долгой. – И я понимала, что такую прогулку мама не осилит. – Все хорошо, мам. Просто ты уже давно не ставила перед собой маленьких испытаний. – Обычно я такого ей не говорила. Обычно я давала ей легко соскочить с крючка. Мне совсем не хотелось ее расстраивать или раздувать костер и так растущей тревоги. Но пока я сидела на квадроцикле, прильнув к спине Купера, я осознала, что трудности, на которые идешь осознанно, окрыляют. Я бы даже сказала, что преодолевать их – настоящее достижение.

Она вздохнула.

– Я позвоню в библиотеку и узнаю, обязательно ли мне присутствовать.

«Будь прокляты телефоны», – подумала я. Такие полезные, что все мои гениальные планы идут коту под хвост.

Я достала и свой полезный телефон, чтобы отправить Куперу сообщение:

Я: *«Иду в библиотеку за классикой. Хочешь со мной?»*

Он: *«Не могу. Семья устроила барбекю и пригласила папиных коллег. Позвони мне с чем-нибудь срочным примерно через час».*

Я: *«С чем срочным?»*

Он: *«С чем ты могла бы обратиться к лучшему другу? Не знаю. Придумаешь что-нибудь».*

Я: *«Уверена, после этого твои родители полюбят меня еще сильнее. Я не буду изображать никакую срочность. Я буду читать «Преступление и наказание».*

Я просмотрела список литературы, и это название показалось мне самым заманчивым.

Он: *«Какое преступление ты собираешься совершить?»*

Я: *«Это название книги».*

Он: *«Супер. Возьми и мне. Звучит круто».*

Я: *«Нельзя читать одну и ту же книгу. Нужно выбрать разные, чтобы поделиться потом прочитанным. Получим двойную порцию глубины».*

Он: *«Окей. Тогда, чур, мне «Преступление и наказание».*

Я: *«Ты засранец! Знаешь об этом?»*

Он: *«Да. А теперь мне пора бежать».*

Я: *«Хорошо. Повеселись».*

Он добавил: *«Позвони мне через час».*

Я: *«Нет».*

Я вернула телефон в карман и подняла глаза как раз в тот момент, когда мама вернулась в кухню.

– Отличные новости, – начала она. – Ты можешь завести собственный читательский билет.

– Эх. Ну что ж.

– Не смотри на меня таким печальным взглядом, милая. Завтра вечером я прогуляюсь с тобой по парку. Согласна?

– Обещаешь?

Она колебалась всего секунду, а потом решительно кивнула.

– Да.

– Ловлю тебя на слове.

– Я тоже слышал! – напомнил о себе дедушка.

– Теперь вы сговорились против меня? – спросила она.

– Не сговорились, мам. Мы поддерживаем тебя. Ты в надежных руках.

Она улыбнулась и обняла меня, а потом протянула пузырек антибактериального геля – к слову о руках.

– Зачем он мне?

– Знаешь, сколько людей трогало эти книги?

Я вернула маме гель.

– Прочитай на досуге парочку историй об этих штуках. Из-за них появляются супербактерии.

– Правда?

Лучше бы я промолчала. Следующие два дня мама точно проведет у компьютера, читая о супербактериях. Я выхватила пузырек обратно.

– Ты права. Возьму его с собой.

Ключи от машины висели у двери. Я сняла их с крючка и поспешила уйти, пока мама не решила запереть меня в доме.

Девять

В библиотеке оказалось много классики. Целая секция классики. О существовании одних книг я даже не подозревала – как, например, об «Улиссе» или «Мидлмарче». Некоторые, как «Алая буква» или «Фиеста», были на слуху. Многие названия уже встречались мне в списке литературы на лето, но совершенно незнакомых было несравнимо больше.

Я уже отыскала «Преступление и наказание» и теперь охотилась за «Франкенштейном». Параллель между книгой и той гремучей смесью качеств у истоков моего списка показалась мне очень символичной. Когда я наконец потянулась за нужным изданием, оказалось, что еще чья-то рука претендовала на него.

– Прости, – сказали мы одновременно и рассмеялись.

Девушка улыбнулась и жестом показала, что уступает мне книгу.

Мне хватило мгновения, чтобы узнать эти ярко-зеленые глаза и рыжую копну волос.

– Это же... Ты же...

– Девочка из рекламы про прыщи? – Я вовремя себя остановила, но она сама закончила фразу.

– Да.

Она рукой провела по своей безупречной коже.

– Эффект держится неделями.

– Ты правда пользуешься тем кремом?

– Нет.

Я улыбнулась в ответ.

– Мы ходим в одну школу, верно?

– Пасифик-Хай? Да.

– Я Эбби, кстати.

– Ой, извини. Я Лейси. – Она кивнула на книгу, за которой я потянулась. – Решительно берешься за летнее чтение для продвинутых?

– Нет-нет, продвинутый курс не для меня; просто ищу что-нибудь интересное из классики.

– Зачем?

– Чтобы поразвлечься, думаю. – Вдаваться в подробности о моем списке для души не хотелось. – Бери «Франкенштейна». Я подберу еще что-нибудь.

– Что ты любишь читать? Вдруг я смогу подсказать что-нибудь.

– Ты читала много классики? – спросила я.

– Я уже давно занимаюсь в театре и перечитала почти всего Шекспира. Но на нем, в общем, и остановилась. Не знаю даже, почему предложила свое экспертное мнение.

– Главное – уверенно сказать, не правда ли?

– Согласна! – Она взяла книгу с полки. – Сзади всегда есть аннотация. Может помочь. – Она начала читать текст на обороте с британским акцентом.

– Автор – британец? – спросила я.

– Мне кажется, все классики – британцы. – Она пожала плечами. – Но, что по-настоящему важно, у меня бесподобный британский акцент.

– Да, действительно!

– Вау, это прозвучало тщеславно. Даю слово, я не тщеславная. – Она закусила губу. – Тщеславные люди обычно так и говорят?

Я беззвучно посмеялась и потянулась за книгой.

– Теперь она мне нужна.

Она передала книгу мне в руки.

– Диккенс «Повесть о двух городах», – прочитала я.

– Ага! – Она похлопала книгу по обложке. – Видишь. Справедливый обмен.

У меня в кармане зажужжал телефон.

Купер: «Спаааассссииии меня!»

Я зажала обе книги (одну для себя, другую – для Купера) под мышкой и написала ему ответ:

Я: «Просто скажи родителям, что хочешь уйти».

Он: «Не могу. Они расстроятся. Ты видела, как они выглядят, когда расстроены».

Я: «Тебе нужно в армию. Я слышала, там из парней делают настоящих мужчин».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.